

ФЕДОР БЕРЕЗИН

Российская боевая фантастика

ПЕПЕЛ

ЖИВО

Федор Дмитриевич Березин

Пепел

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122093

Пепел: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-00806-3

Аннотация

Война – любимое занятие генералов, она весьма выгодна и политикам, особенно когда ведется не на своей территории, а где-то далеко – например, в другой звездной системе. Те, кто затевает войны, в них обычно не участвуют – зачем? Ведь для этого существуют солдаты. Сами солдаты редко задумываются над реальной целью войны. На этот раз пилот бомбардировщика задумался... И решил проучить все человечество.

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Федор Березин

Пепел

*...Помню я дело одно, но времен
стародавних, не новых:*

*Как оно было, хочу я поведать меж вами,
друзьями.*

*Брань была меж куретов
и бранолюбивых этолян
Вкруг Калидона града,
и яростно билися рати:
Мужси этольцы стояли за град
Калидон, им любезный,
Мужси куреты пылали обитель
их боем разрушить.
Горе такое на них Артемида
богиня воздвигла...*

Гомер (древнегреческий поэт, слепой от рождения)

*Фонарищик Вселенной
Потушит сегодня
Несколько звезд.
В сущности, это так мало!
Прошу вас,
Не надо слез.*

Константин Кинчев

Часть I

ЛАБИРИНТЫ

Сутки здесь равнялись восьмидесяти земным часам, но сейчас солнце этого мира стремительно взлетало от линии горизонта. Оно просматривалось на фоне загаженной атмосферы как бледное светлое пятно, а эффект его взлета достигался за счет собственной умопомрачительной скорости летательного аппарата. Держать такой темп на высоте всего двадцати метров человеку было невыносимо – через считанные минуты голова начинала пухнуть от напряжения, появлялась предательская тяга плюнуть на все и остановить эту бешеную карусель. Да и вообще реакции живого существа не хватало: перед глазами, запаздывая в нервных волокнах, проносилось то, что в действительности уже осталось далеко позади истребителя. Поэтому человек был всего лишь наблюдателем: его уставшие зрачки внимательно бегали по рядам лампочек и индикаторов, экраны переднего обзора были отключены за ненадобностью, самолетом управляла автоматика, живущие в стальных внутренностях токи фиксировали и выдавали на пульт: высоту, скорость, расстояние и время до очередной точки трансформации маршрута. Можно было закрыть глаза и лишь по изменениям нагрузки на тело судить о том, в какую сторону маневрирует летатель-

ный аппарат: вверх, вниз, вправо, влево, в зависимости от того, какой маневр робот посчитал экономичным при огибании нового препятствия. Приборы бесстрастно фиксировали норму, и ни одна стрелка на виртуальных дисплеях не заходила за красный сектор. Он уже отбомбился, хотя в этом полете он не сбрасывал привычные высокоточные самонаводящиеся десятикилотонные «хлопушки» или обычные мегатонные «погремушки», сегодня он просто равномерно разлил на площади десять миллиардов квадратных метров цистерну какой-то химической пакости. Какой? Откуда он знает какой, он же не химик. Зачем это знать? Это знают те, кому платят за это деньги. Ему платят за другое, и сегодня он добросовестно выполнял условия контракта. Там, вдали, остались нервные напряжения, задание, сделанное на «ура», и поскольку противник его не преследует, техника функционирует, он мог попытаться немного понежиться. Человек снова взглянул на часы: через семь минут будет перегрузка четыре «Ж», самолет опрокинется вертикально и выйдет в стратосферу, затем нагрузка еще более увеличится, сработают ускорители, и «прощай, дорогая планета!». Произойдет техническая трансформация универсального летательного аппарата – это будет уже малый планетолет либо космолет, любое название подходяще, а менее чем через час наступит невесомость. Пилот прикрыл веки, расслабляясь перед грядущим гравитационным напряжением, и тут ожил репродуктор.

– Внимание! – произнес красивый женский голос. – Во «втором-левом» ускорителе самопроизвольное воспламенение.

Кресло бросило в сторону, даже через скафандр ребра ощутили удар.

– Соблюдайте спокойствие! – продолжал динамик, но он уже не слушал.

На трех датчиках стрелки резко упали в красный сектор. Еще неосознанно он сорвал пломбу с надписью: «Храни радиомолчание!», щелкнул тумблером, затем включил экран переднего обзора, отключил автопилот и, протягивая руку к панели управления, доложил в микрофон, закрепленный ниже правого уха:

– Аксельбант, докладывает Гвидон. Авария! Пытаюсь набрать высоту.

Пальцы пробежали по панели управления. Его вдавило в кресло, машина взвилась на дыбы, подставляя брюхо бешеному потоку встречного воздуха. Главный двигатель, перейдя в форсированный режим, взвыл, словно стадо мастодонтов. Струя фиолетового пламени полыхнула по земле и отразилась, расплескиваясь вокруг озером плазмы. Два мозга – один человеческий, один электронный – лихорадочно оценивали ситуацию. Электронный считал быстрее, но его действия уже были блокированы хрупким созданием, ощущающим себя венцом Вселенной. Поэтому компьютер не мог осуществить запланированную отцепку взбесившегося уско-

рителя, теперь он мог только советовать красивым женским голосом, заложенным в него разработчиками:

– Рекомендуется освободиться от «второго-левого».

Но человек уже имел свой план. Пока машина наращивала скорость и высоту, он ввел в вычислительную систему запросные данные, одновременно продолжая доклад на базу:

– Аксельбант, намерен выйти на орбиту без промежуточного маневра в стратосфере. Нахожусь над зоной «У», квадрат А-213. Сейчас пытаюсь запустить остальные ускорители.

В этот момент робот уже получил ответ по результатам обработки запроса пилота, и в динамике прозвучало:

– «Первый-правый» запустить незамедлительно для нейтрализации крена.

Пилот нажал кнопку, и теперь ребра другого бока почувствовали толчок.

– Запуск остальных по загоранию сигнальной лампы. Осталось сорок секунд. Ускорение будет критическим. Сейчас необходимо увеличить тягу основного двигателя.

Он послушно последовал рекомендации, и тут появилась новая идея: с помощью простого приема можно было снизить необходимое ускорение хотя бы на немного, нужно просто избавить корабль от лишнего веса. Он поспешно обвел взглядом пульт, оценивая, от чего можно освободиться немедленно. Щелчок – и из брюха вывалилась магнитная пушка со всем своим неиспользованным запасом снарядов, за ней последовали пустые контейнеры из-под химикалий и

лазерная аргонная дальнобойная установка. Затем были отстрелены все восемь крыльев, он не собирался более маневрировать в атмосфере. Теперь истребитель необратимо превратился в ракету. Начался отсчет времени до включения двух оставшихся ускорителей, и он переложил эту операцию на автопилот. При счете «ноль» его веки невольно дрогнули, а при скачке перегрузки он почувствовал себя счастливым, хотя его лицо под прозрачной маской кислородного шлема сделалось багрово-синим от прилива крови. И тут бархатисто-меланхоличный голос снова произнес:

– «Первый-левый» ускоритель не запускается. Во избежание осложнений рекомендуется отстрел всех ускорителей.

Если бы при таком давлении можно было побледнеть, он бы это сделал. Ему показалось, что все происходящее – дурной сон: такого невезения просто не могло быть. И когда одна часть мозга уже начала поддаваться панике, другая продолжала бесстрастно фиксировать и управлять окружающей обстановкой. Он снова заблокировал автомат: он еще надеялся или только хотел надеяться, что «первый-левый», пусть и с опозданием, выйдет на режим. Он ждал тридцать секунд. Корабль бросало из стороны в сторону, он с трудом мог компенсировать главными соплами вводимую неравномерно работающими ускорителями асимметрию. Теперь можно было уже не ждать, потому что через несколько секунд должен был закончить работу, съев топливо, злополучный «второй-левый», подвешенный когда-то под не существующим

ныне нижним крылом, и тогда космолет, имея преимущественную тягу в двадцать тысяч лошадей только с одной стороны, неминуемо опрокинется. Он нажал кнопку отстрела, глядя в экран заднего обзора. Было видно, как, кувыркаясь, пошел вниз «первый-левый», затем он вспыхнул, возможно, взорвавшись или, может, наконец входя в режим. А на экране переднего обзора он некоторое время наблюдал яркие отсветы сопел пороховых ускорителей, обгоняющих остатки его гиперзвукового истребителя-бомбардировщика.

Он посмотрел на приборы, снизил тягу главного двигателя и вновь попытался связаться с базой:

– Аксельбант, говорит Гвидон. Выйти на орбиту не смог. Начинаю снижение над зоной «У», квадрат А-310.

Ответа не последовало: возможно, мешали помехи, вызванные радиационными поясами, и база его не слышала, а возможно, она хранила молчание из стратегических соображений. Он наклонился и резким ударом кулака сверху разбил стекло над черной кнопкой с надписью: «Ввод программы самоликвидации». Он надавил ее и стал готовиться к катапультированию.

* * *

Он некоторое время сидел, приходя в себя. Это было стоящее занятие после пережитого ощущения. Не любил он катапульты, да, в принципе, он не знал ни одного человека, ко-

торый был бы в восторге от этого необходимого, но крайне мерзопакостного изобретения. Только бог ведает, сколько медведей извели, отрабатывая первые образцы этой штуковины, поскольку именно данному виду животных не повезло: по строению тела они более всего сходились с сидячими людьми, даже обойдя по столь сомнительному показателю человекообразных обезьян. Были когда-то такие звери. Да и вообще много чего ранее на матушке-Земле водилось, была планетная эволюция ужасно плодovitа до возникновения разумного вида, а уж ему пришлось попотеть, нивелируя ее плодovitость и сводя это расточительство к приемлемому для разума числу. Не справиться ему бы ни в жизнь, если бы не ее медлительность. Интересно, теряли ли медведи при выбрасывании кресла порохом сознание? А вот он потерял, и тренировки нисколько не помогли. Но выбраться из космолета без пиротехники на таких скоростях было явно невозможно, несмотря на то что встречный поток разряженного высотного воздуха был слабее, чем внизу: остатки заднего наклонно-вертикального оперения рассекли бы его туловище на части.

После более половины пути он планировал в отключенном состоянии. В принципе это было предусмотрено инженерами, они явно не зря ели свой хлеб. Весь спуск он находился в герметичной капсуле, не подвластной ни холоду, ни жару, ни бескислородному окружению верхних слоев атмосферы, только силы тяготения и аэродинамика правили по-

лупрозрачным яйцом, превосходящим размерами насесты динозавров.

* * *

Он брел, размышляя о разном, и чем сильнее на него наваливались сиюминутные тяготы и чем более неопределенность окружающей обстановки сводилась к неминуемо надвигающейся развязке, тем далее и далее его мысли уносились отсюда прочь.

Окружающий его локальный участок Вселенной был явно настроен не слишком дружелюбно. Он нарушил теорию вероятностей или, по крайней мере, свел ее к малоизмеримой величине. В обычном мире два ускорителя одновременно выйти из строя никак не могли, однако это случилось. Явная аномалия осуществилась, и именно с ним. А ведь исходя из той же вероятности, почему бы сейчас, прямо из окружающего воздуха, не материализоваться баночке охлажденного пивка? Ведь все необходимые для этого атомы вокруг имеются? Ну, может, конечно, и не все, но ведь где-то они есть? А ведь в какой-то из бесчисленных вселенных, которые плодились в первые секунды после Большого Взрыва гораздо резвее кроликов, наверняка должны же происходить настоящие чудеса, бешеные скачки антиэнтропийных процессов, должны происходить вещи неизмеримо маловероятные, ведь метагалактик, судя по некоторым теориям, просто пруд

пруды, а следовательно... Но почему бы нашей, родной Вселенной не сделаться хотя бы локально очень везучей? Он уже почти чувствовал перед носом запах темного пива, может, ожидаемое чудо начало происходить, но, не добравшись до нужного числа нулей отрицательно-вероятной флуктуации, прервало процесс на середине. «К черту пиво! – подумал он с внезапной злобой. – В настоящий момент есть гораздо более важные вопросы». Запах исчез, он ощутил привкус резины вперемешку с металлом, глянул на показатель давления в баллоне: впереди предвиделось еще много-много часов единения с маской и скафандром. Ну а потом их придется снять.

Он на мгновение остановился, даже споткнулся на ровном месте. Он, как бы впервые, увидел потресканную почву под ногами. С запада дул слабый ветерок неизвестной природы, может, освежающе бодрящий, а может, неприятный – сухой. Он не мог этого чувствовать сквозь искусственную кожу-оболочку. Подсознательно используя заминку, невольно стремясь ее продлить, он осмотрел горизонт. Вокруг было довольно светло. С запада сквозь цветастые облака угадывалось медленно садящееся местное солнце, звезда Индра – старый умирающий желто-оранжевый карлик. Невысокие холмы простирались до далекого края без ориентиров. Стоило ли двигаться далее и тратить при ходьбе бесценный кислород гораздо в большем количестве, чем при спокойных лежебокских размышлениях? Но он знал: если отдаться лени и просто сидеть, осматривая окрестности, ожидая помо-

щи извне, — очень скоро паника завладеет им целиком. Ведь надежды не было, ее не было вовсе. Пока база пришлет за ним спасатель, пройдет слишком много времени, а найти его без пеленга спасатели просто не смогут, несмотря на примерное знание координат. Они не услышат его маломощный наשלемный передатчик через парящий над планетой сверхионизационный слой.

* * *

Вообще-то на планете Гаруда, в той точке, где он сейчас находился, в настоящий момент был день. Он все еще тянулся, тот долгий местный день, в середине которого он спланировал на материковое плато. Однако и здесь близился вечер. Но для этих безлюдных мест все эти промежуточные стадии ночи и дня давно стали условностью. Лучи Индры с трудом пробивали себе дорогу до поверхности, это были уже не лучи, в процессе проползания сквозь высотные пылевые облака они давно потеряли свою прыть, а здесь, внизу, их встретила еще более плотная завеса из недавно поднятой пыльной бурей мелкодисперсной взвеси. Пилот с трудом всматривался сквозь окружающий мрак, несколько подсвеченный лившимся с неизвестного направления сиянием. Этот мир напоминал царство мертвых, по крайней мере, у человека отсутствовала тень, впрочем, так же как и у остальных живых и неживых предметов. Пилота звали Хадас Кьюм, и все

окружающее он воспринимал нормально – он уже привык. Он более не заглядывал на счетчик радиации: к его показаниям он тоже притерпелся. Он брел вперед без всякой цели. Хадас уже совершенно не верил в счастливый конец этой истории. Он просто переставлял ноги, такие тяжелые и ватные, с единственной целью – оттягивать время. Когда-то мастер космопилотажа, Кьюм поставил себе цель экономить воду, вот уже сутки (земные, разумеется, а не местные) он ничего не пил. Вода была несжимаемым веществом, поэтому ее запас в скафандре не мог быть большим, в отличие, например, от воздуха. Он уже смутно понимал, что у него кончится раньше, однако воздух на крайний случай имелся в окружающем мире, пусть даже несколько зараженный, а вот вода и пища не наблюдались. Последнее, ясное дело, тоже сохранялось в неприкосновенности: употребление пищи неминуемо бы привело к глотку жидкости.

Впереди нечетко вырисовались далекие разрушенные сооружения. Они простирались слева направо и тянулись в непознанные дали. Хадас кинул взгляд на счетчик: показания заходили в красный сектор. Он обеспокоенно посмотрел на разбитые вдребезги строения. Город? Судя по фону, поражен совсем недавно, но, черт возьми, по слухам, бродящим в подлунных (в буквальном смысле) помещениях базы, городов на планете давно уже нет, а может, никогда и не было. Может, радиацию нанесло каким-нибудь шальным ветром? Так или иначе, Хадас решил держаться от греха подаль-

ше и отвернул в сторону. Некоторое время он брел, часто поглядывая на датчик, даже забыв о подсчете шагов, неблагодарном занятии, которым он занимался последнее время. Идти было тяжело, но он шел. Несмотря на периодически возобновляемые вычисления, он все равно сбился со счета пройденного пути. Возможно, для тренированного ходока он прошел совсем немного, однако он был жителем лунной базы с притяжением гораздо меньше местного, и со стороны, с непредвзятой точки зрения, его поход мог считаться подвигом местного значения. Ноги были ватными, однако он изводил себя, как делал это на тренировках. Он гнал мысли о неминуемом конце, он считал себя способным бороться до последнего и делал это. Силы еще были, а сознание надо было занять работой.

Теперь сооружения тянулись с левой стороны относительно движения, и тянулись долго. Он стал прикидывать, какого размера мог быть этот город, и невольно перешел к мысли о количестве когда-то живущих в нем. Эти подсчеты поразили его, но он успокоил себя тем, что, не зная плотности населения, безусловно, ошибался. Вокруг расстилалась планета, а не военная база: здесь не надо было паковать все плотно, как там, на Мааре. Возможно, в этом городе было очень мало жителей.

Окружающая обстановка действовала подавляюще. Однако неизвестно, что было бы хуже: вполне может быть, наличие открытого, не затянутого пеленой горизонта поставило

бы его рассудок в гораздо более сложное положение, ведь он был жителем замкнутого пространства, по крайней мере последние два года, исключая полеты, но ведь там он видел все не напрямую, а сквозь экраны.

Хадас так увлекся борьбой с силой тяжести, что не заметил, как ступил на несколько отличное от пройденного место. Нога сразу увязла. Он провалился выше колена и потерял равновесие. Теперь обе ноги погрузились в невесомую текучую пучину. Пилот повалился на спину, мгновенно покрываясь потом. Сердце забилося учащенно, но он растопырил руки и удержался. Некоторое время он лежал, не шевелясь, подавленный своей беспомощностью перед неизвестностью. Какой-то внутренний ком замаскированных чувств выдавился наружу. Совсем неожиданно Хадас Кьюм почувствовал влагу около глаз. Это были слезы: черт возьми, он не плакал уже целую вечность. Задом-задом он выкарабкался из этой трясины неизвестной глубины. Теперь он мог встать и осмотреться. Слезы все еще давали искажение окружающего мира, однако оживший климатизатор, торопясь, высушивал внутри шлема лишнюю влагу. Человек словно заново посмотрел вовне. Он наклонился и потрогал непонятное образование, в котором едва не утонул. Оно текло между пальцами подобно жидкости, но это была не вода: микрочастицами оно скользило по перчаткам и легко подхватывалось слабейшим ветерком. Оно было такое же серое, как окружающий мир. Это был пепел: раздробленный временем, ни-

когда не встречавшийся с дождями и снегом. Его смело и нанесло с окружающего ландшафта в эту яму неизвестной глубины. Хадас содрогнулся. Он впервые подумал о сухости здешнего мира. Неужели война так изменила или вообще остановила круговорот воды? Он помнил это с детства: на землеподобных планетах вода испаряется из растений и открытых водоемов и попадает в атмосферу, затем разносится ветром и выпадает снова в виде дождя. Черт возьми: их бомбы заставили опуститься тропопаузу, и осадки перестали выпадать на континенты. «В чем-то мы переборщили, – подумал Хадас Кьюм, – сильно переборщили». Теперь он двигался более осторожно, хотя у него по-прежнему отсутствовала серьезная цель для продолжения путешествия.

* * *

Он долго разгребал ногами пыль и песок, завалившие вход. Но то, что он обнаружил, направив наплечный фонарь вовнутрь, было очень печально. Там находились скелеты. Лестница уходила вниз, и по всей ее длине, насколько хватало лампы, красовались человеческие кости и черепа. Дернул же его черт тратить силы на откапывание этой братской могилы. Однако болезненное мазохистское любопытство погнало его вниз за конусом света. Он скользил по присыпанным пылью ступеням, поначалу стараясь не наступать на тазобедренные и реберные остатки, однако их было донель-

зя много, и, наверное, дух, витающий здесь, внутри непроветриваемой гробницы, давно бы удушил его и заставил захлебнуться скопившимся вокруг запахом смерти, если бы не щедрый спасительный шлем. Скоро он перестал морщиться, когда под вооруженной металлорезиновой подошвой ногой выстреливали в звуковую пустоту хрустящие быстрые хлопки растираемого праха.

Он добрался до низа: новая дверь, обложенная черепами разных размеров. Сюда *они* шли, и здесь *их* не пропустили. Он видел недостертые временем следы *их* тщетных попыток откупорить и эту массивную дверь. Те, кто ее сотворил, знали свое дело туго. В фотонном потоке из фонаря он наблюдал на ней вмятины и царапины от пуль и гранат, однако многотонная подземная громада смело выдержала эти уколы, все ей было нипочем, даже время. Хадас тронул ее, немного постоял, ожидая чуда: он не выдержал и минуты, а требовались столетия – когда еще ржавчина съест эту многотонную стальную глыбу до толщины фанеры. Затем он посветил вверх. Черепа посмотрели на него без увлечения, те, кто носил их напыленными на мозг, давно находились вне времени и пространства, и Хадас был им вовсе неинтересен: все его отличие в солидной временной проекции заключалось в том, что его череп будет иметь дополнительный саркофаг-хранилище в виде сложного шлема. А возможно, и красивый скелет из него не получится, ведь он абсолютно не знал, витают ли в окружающем воздухе бактерии, разлагаю-

щие мертвечину, как в славные времена произошедшего вокруг мора.

Значит, сюда *они* шли, и *их* впустила первая дверь; сюда они спустились и уперлись во вторую носами, а сзади продолжали напирать, и вверх было не подняться — легче давить оттуда; и кто-то пытался остановить безумие, и кто-то запасливый рвал динамит прямо около людей, стремясь откупорить эту таинственную и, возможно, действительно спасительную дверь, а сзади все равно перли, несмотря на взрывы и стрельбу, потому как оттуда наваливалось еще более страшное; а где-то высоко-высоко заливался победным потом пилот, разворачиваясь для возвращения на базу и уносясь отсюда со скоростью, обгоняющей рев собственного двигателя, и слипался вжатый сам в себя плутониевый детонатор... А сверху продолжали напирать.

Хадас Кьюм сделал поворот кругом. Наверное, тогда, сразу после, здесь было бы некуда ступить; потом, когда трупы сгнили, стало свободней. Он наклонился и взял в руки прах. Тихо и ровно, как в древних песочных часах, он потек между резиновыми пальцами сверху вниз, как и тогда: сверху продолжали напирать. Он зажмурился и на мгновение пошатнулся, ощутив видение наяву.

Поспешно и нервничая, он стал выбираться вверх. Только сила тяжести и присыпанные осколками костей ступеньки мешали ему, но он все равно сбил дыхание. Непрерывной неумолимой дробью сопровождали его альпинизм хлоп-

ки-выстрелы лопающихся костей. Где-то ближе к выходу он грохнулся на четвереньки и чуть не скатился, попав ногой в чью-то затылочную крышку. Он замер и взял себя в руки: все окружающее случилось очень давно, так давно, что его не касается, но тем не менее было интересно: кто их не пустил туда и было ли там спасение? Глядя с его вознесенного во времени над их древними бедами наблюдательного пункта – спасения у них не было. Возможно, давным-давно ту таинственную райскую дверь внизу подпирают с обратной стороны такие же скелеты.

Выбравшись на свет божий, он не испытал облегчения. Его измотанное тело хотело тут же упасть, но он не дал ему этого шанса: он уходил от этих старых кошмаров, от краснеющего датчика радиоактивности, от неведомого мертвого города, от прикосновения к познанной неизвестности к новой, неведомой судьбе. У него не было шансов, и только внутренняя потребность была ему компасом, а напирать на него было некому.

* * *

Все: у него больше не было надежды. В костюме кончался ресурс, он прикончил почти весь воздух, а фильтр уже и так был переполнен радиоактивной гадостью, ноги отказывались идти, похоже, он их натер, скафандр явно не предназначался для длительных пешеходных прогулок, ну а глав-

ное, он так и не вышел в более-менее чистое от ионизационного атмосферного слоя место и не получил ответа на свои импульсные обращения к звездам. Он больше не надеялся на помощь. Нужно было взглянуть правде в лицо: его никто не спасет, на своей практике он не помнил случая, чтобы сбитых пилотов спасали, правда, и не сбивали их при нем. У него был еще некоторый запас продовольствия и воды, но его можно было оплеушить в один присест. Это было все. Однако он знал, что не зря совершил это путешествие. Он не добился цели, да ее и не было, но зато он узнал ответы на загадки, которые еще не зародились в голове. Они породили следующие вопросы, но без этого путешествия они бы не возникли. Мозг получил работу, далеко уходящую от насущных проблем. Это было очень здорово, но времени на их решение у него более не было. Он присел возле скалообразного выступа и снова взглянул на индикаторы. Итак, он продержался две ночи и один день – только не короткие земные, а долгие местные, но этот медленно наступающий второй день он скорее всего не переживет. Через несколько часов он будет дышать местным, несколько разбавленным нуклидами воздухом, но их долгосрочное накапливаемое влияние будет не так страшно, самым страшным окажется сухость этой пепловой пустыни и еще ее холод. Холод обычно ассоциируется со льдом и снегом, однако здесь был другой случай. Хадас Кьюм не заметил, как среди этих невеселых размышлений задремал.

Проснулся он внезапно. Хотя веки не желали приподниматься, он глянул на часы. Он четко помнил время, когда присел: прошло двадцать пять минут. Можно было позволить себе поспать еще, тем более что при этом тратилось меньше кислорода, однако что-то не на шутку взволновало организм. Пилот некоторое время соображал, лениво шевеля извилинами, и вдруг понял. Ему сразу стало не до сна. Он вскочил. Сквозь привычный шелест окружающего воздуха он явственно слышал равномерный лязг, и источник этого нового шума перемещался. Хадас двинулся вперед, огибая скалу. Он сразу это увидел и невольно зажмурился. Не очень далеко, однако в полумраке он не мог точно определить расстояние, да и привычки не было, по склону двигался механизм. Впереди у механизма ослепительно сияли три фары, одна на самом верху. Хадас некоторое время стоял на виду, когда внезапно сообразил, что это вражеская машина. Помощь могла прийти только по воздуху. За эти три дня земного летосчисления, теперь казавшихся равными жизни, он освоился с мыслью, что планета мертва. Теперь он убедился в своей ошибке. Пилот развернулся, чтобы спрятаться или бежать, но здравый смысл остановил порыв. Надежды на спасение не было, он был ничем не связан. Но у него были вопросы, и, возможно, сейчас к нему приближались ответы на них. В эти дни он стал несколько фаталистом. Может, сейчас он сделал выбор в сторону еще более мучительной смерти вместо светившей ему в ближайшем будущем, а может, это

было продолжение жизни. Он неуверенно шагнул в сторону движения неизвестной машины, и этот шаг решил проблему и наградил его смелостью.

Когда высокий пластиковый корпус навис над ним, слепя фарами, он стоял, не шевелясь, подняв руки вверх. Хадас плохо видел против света, но те внутри, наверное, хорошо различали на его левой груди эмблему бомбардировочного звена «Фенрир». Они могли проехать по нему, не останавливаясь, но он знал, что они не сделают этого. Он никогда не видел своих врагов, и он хотел получить ответ на первый вопрос: люди ли это?

Сбоку откинулась в сторону створка.

* * *

Вокруг него были голые близкие стены – лучшее средство для развития клаустрофобии, одна плотно пригнанная дверь, поролоновый матрас на полу, какие-то синтетические тряпки, заменяющие постельные принадлежности, и два вделанных в стену плафона освещения. Вот, пожалуй, и все: явно негусто. Он не попадал на собственную базовую гауптвахту, но, по слухам, даже в отделении для рядового состава там было повеселей. Зато стены здесь явно отличались гигантской прочностью, он не мог знать их толщину, однако чувствовал ее. Это была пещера, то есть часть большой, выдолбленной естественными процессами в планете полости,

но кто знает, может, это и полностью рукотворное сооружение: иногда трудно отличить одно от другого. Помещение после его заселения явно использовалось по прямому назначению. Значит, тюрьма у них в порядке вещей, и почти наверняка он здесь не единственный узник. Наличие места на содержание заключенных само по себе являлось информацией. Можно было сделать вывод, что местное общество не блистало гармонией межчеловеческих отношений. Интересно было бы знать размеры тутошних исправительных заведений и количество невольников в процентном содержании к свободному населению, если таковое присутствует. Однако этого было явно мало для выводов о непригодности этого мира к существованию на свете вообще, то есть к моральному оправданию превращения его в мишень для «колотушки». И все-таки было любопытно: на какой глубине от поверхности находилась его маленькая тюрьма? Какой, черт возьми, коэффициент поглощения гамма-излучения у скальной породы? Он этого не помнил. Да ведь и сами камни имеют повышенный фон по сравнению с воздухом, хотя наверняка нельзя сравнивать верхнюю, двадцать лет отравляемую атмосферу с обычным воздухом Земли – далекой и совсем вроде не причастной к местной трагедии планеты. Было бы интересно знать, какого размера эти искусственные или искусно расширенные пещеры и сколько в них проживает народу, родятся ли здесь дети и увеличивается ли по этому поводу жилплощадь или только плотность населения.

Странное существо человек: если ему уж не совсем плохо, в том плане, что его не пытаются в данный момент газовой горелкой и не подгоняют кнутом, или даже подгоняют, но бьют не очень часто, он умудряется в эти свободные минуты задумываться о вещах, не имеющих к нему ровным счетом никакого отношения. Казалось бы, сейчас он находится в плену у людей, испытывающих к нему наверняка не самые приятные чувства по поводу доселе выполняемой им работы, а туда же... Надо бы размышлять о способах выбраться отсюда, методах связи с родимой базой и подобных, обычно происходящих в фильмах, событиях или, будучи реалистом, искать способы более-менее безболезненного самоубийства, дабы не стать жертвой пыток и не выдать родные военные секреты, а о чем думает он? Все эти мысли – отход от сиюминутной скуки и надвигающейся загадочной, но наверняка страшной развязки.

Хадас встал и прошелся по своей комнатке, затем сразу лег. Можно было продолжать наслаждаться отдыхом – бессмысленным лежанием на матрасике. Ложе казалось не слишком мягким, но сие наверняка от увеличенной силы притяжения. Однако Хадас лежал на нем с удовольствием. Вымотал его этот пеший переход до жути. Теперь, когда кончалось действие стимулирующих и подавляющих боль таблеток, он начал ощущать последствия своего геройства: это же надо, после столь долгого нахождения в семикратно уменьшенной силе тяжести проделать такой марш-бросок. Конеч-

но, сказались и частые перегрузки при полетах и на тренажерах, но ведь там он просто сидел в кресле, изредка вертя головой и руками. К действиям пехотным порядком он никак не готовился. Теперь зуд в ногах и тягучая тупая предболь в мышцах начали давать о себе знать. Еще через сутки его можно будет не пытаться – просто заставить немного побегать в этом давящем на позвоночник одном «Ж».

* * *

Похоже, жизнь его стремительно и неминуемо двигалась к развязке. Он начал жалеть о том, что его не прикончила катапульта или пепловая пустыня, однако сокрушался ли он об этом серьезно, или в душе, в самом дальнем ее закутке, все еще теплилась надежда? Он облизнул губы и осмотрелся вокруг, насколько позволяла обстановка. Ситуация была патовая: он сидел на жестком табурете, приделанном к полу; его руки и ноги были, в свою очередь, пристегнуты к сиденью, и деться от надвигающегося страшного будущего ему было некуда. Сидел он уже долго, а его неугомонное воображение выдавало ему картинки невидимых визуально и неслышимых палачей, занятых разогревом щипцов, игл, топориков и всяких иных средств, развязывающих язык. Там, на далекой базе, которая не торопилась к нему на помощь, их слабо инструктировали по поводу попадания в плен. Это была скользкая тема, и желательно было ее не касаться ни

теоретически, ни тем паче практически. Когда-то давно, когда войны велись на матушке-Земле, существовали какие-то правила содержания военнопленных. Войны тогда велись не только тотально, а ради кое-каких мелкокалиберных целей, и потому военнопленных захватившая их сторона могла использовать в переговорах как лишний козырь или просто для обмена мах на мах, однако в этом затянувшемся конфликте пленных покуда не брали, и вряд ли люди, его захватившие, будут предлагать базе какие-то условия, этим они выдадут не только свое местонахождение, но и просто свое существование на этом свете. Какие из сего производились выкладки? Его можно использовать просто как предмет для отмщения, так сказать, произвести на свет маленький ад для отдельного человека в ответ на большой катаклизм, так затянувшийся наверху. Иррациональная цель, порожденная такой же иррациональной причиной. Их даже не просвещали, что можно, а чего нельзя выдавать. При современных методах воздействия на психику и тело все инструктажи упирались в элементарный человеческий предел. Существуют психические блокировки, основанные на гипнозе и свойствах памяти: под действием внешних факторов вспоминать или забывать информацию, однако человек тем и ценен в отличие от машины, что его действия носят более широкодиапазонный характер принятия решений. Человек же, находящийся под воздействием неизвестной ему подсознательной, навязанной извне программы, подобен компьютеру, и пото-

му его деятельность очень сильно предсказуема, что плохо воздействует на поведение в нестандартной ситуации. Однако сейчас Хадас Кьюм был в полной растерянности, и обстоятельства являлись безысходными. Он был бы не прочь поступления изнутри мозга заранее введенной кем-то программы действий, а может, и включения плана самоликвидации. Мысль о самоубийстве возникла у него не впервые, но сегодня он остро прочувствовал ее вкус. Он всегда считал самоуничтожение наиболее легким выходом из критических ситуаций, а потому трусливым путем, тем более что летная служба вела к смерти именно в случае ничегонеделания: иногда достаточно было просто на полсекунды дольше среагировать в повороте газовых рулей.

Он услышал голоса за дверью и сразу невольно напрягся. Капелька пота защекотала по ребрам, непривычно быстро в увеличенной силе тяжести сбегая вниз. Хадас попытался придать лицу достоинство и попробовал расслабиться. Он не собирался терять свой имидж офицера воздушно-космических сил перед этими пещерными землекопами. Когда они вошли, он был внешне спокоен. Прибывших было пятеро. Все они были одеты, если так можно выразиться, как обычно, однако форма отличалась цветом. Плавки и сандалии самого рослого мужчины имели черный цвет, и на его пояском ремне была подвешена увесистая дубинка, сразу выдавая его профессиональные обязанности. Двое вошедших были в красных плавках, а на груди у них имелись какие-то

подобия фартуков такого же цвета. Руки у них были заняты кучей инструментов зловещего вида. Хадас невольно заострил на них внимание и тут же отвел взгляд: не хотелось выдавать охватывающую изнутри панику. Оставшиеся были наряжены в темно-синие юбки, такие же сандалии и медальоны очень большого размера. Он сразу же догадался, что побрякушки на них – это что-то наподобие знаков отличия. На фоне одежды гостей его собственное полуобнаженное состояние могло показаться верхом приличия, почти деловым костюмом прошлого.

Все пятеро молча воззрились на приделанного к табурету человека, и эта сцена так всех увлекла, что длилась секунд восемьдесят. Молчание нарушил один из обладателей верхней одежды. Он настроил прицепленный к поясу прибор и что-то сказал, ни к кому конкретно не обращаясь. Пленник не успел разобрать что, когда миниатюрный механизм начал выпуливать вонне бессвязные фразы, явно на разнообразных языках. Это продолжалось очень недолго, пока прибор не выдал на чистейшем общеземном, лишь немного непривычно растягивая слова: «Вы тот самый разведчик?»

«С каких пор я стал разведчиком?» – подумал Хадас, но не стал возражать или подтверждать услышанное. Он уже знал, что в этом мире не принято говорить без команды, да и не знал, что ему выгоднее: быть разведчиком или пилотом бомбардировщика. Его молчание не слишком озадачило прибывших: они начали что-то активно между собой об-

суждать, а прибор продолжал бормотать это все, спеша делать синхронный перевод и последовательно перебирая множество известных ему языков. До Хадаса долетали обрывки фраз типа: «...если не захочет, то...», «...отдать на биологические исследования...», «...извлечь мозг, а остальное как обычно...», «...выдать за посланника *ардигов*...», «...обменять не получится...», «прибор выключи, не сади батареи». После этой фразы высокий в юбке, видимо, выполнил рекомендацию, и они некоторое время вели непонятную для пленника дискуссию. Говорили все время двое в более богатой одежде, остальные молчали, явно являясь подчиненными. Все время полемики Хадас думал, начинать ли с ними беседу, и пришел к выводу, что скрывать свою языковую принадлежность не имеет смысла, он ведь сам неоднократно пытался завести разговор со здешними, но, видимо, не к тем обращался. Странно было, что прибывшие пытаются установить, на каком языке он говорит, по идее, они должны были четко это знать. Когда к нему вновь обратились, он решил ответить.

– Я буду разговаривать на общепринятом языке Земли, если вы не против, – сказал он, глядя в глаза высокому.

Тот сосредоточенно прослушал перевод из своего аппарата и кивнул. Он тронул прибор, явно фиксируя настройку, и беседа началась.

– Кто вы такой?

– Я пилот гиперсамолета разведки климата с лунной базы

«Беллона-1». Мое имя Хадас Кьюм. – Насчет разведки он врал.

– Как вы сюда попали?

Пленник вкратце доложил, как это случилось, не вдаваясь в технические детали и цели своего полета.

– Вы будете отвечать на все наши вопросы?

Хадасу очень хотелось соврать, однако что-то внутри противилось этому.

– Я в вашей власти, и сдался я добровольно, однако я сам хочу получить ответы на некоторые мои вопросы, я не думаю, что вы чем-то рискуете, отвечая на них, я ведь никуда не денусь из вашего подземелья.

После этого заявления высокий, в нем было сантиметров сто семьдесят, и по сравнению с другими он казался большим, отключил свой прибор и немного посоветовался с напарником. Все это время остальные прибывшие подобострастно стояли, не сходя с места и лишь иногда переминаясь с ноги на ногу. Хадас подивился их выдержке в этой непривычно большой силе тяжести: даже свои многочисленные инструменты они не положили на пол. Лишь полицейский с дубиной вел себя более развязно: он оглядывался вокруг, чесал нос и всячески показывал свою независимость.

Наконец высокий решил ответить:

– Мы думаем, пришелец, ты не вправе от нас чего-то требовать. Твой статус в нашем государстве равен нулю. Если ты не станешь нам отвечать или еще как-то проявишь непо-

слушание – будешь подвергнут наказанию или умрешь. Запомни: все и всегда у нас делается по команде. И перестань приставать к младшим статусам, они не имеют права с тобой говорить, хотя их статус равен единице, а иногда более.

– А чему равен ваш статус?

– Я не давал тебе права спрашивать, но все же отвечу. Мой статус равен семи. Статус же Верховного – восемнадцати. Более не задавай вопросов, потому как, если мы посчитаем нужным, мы пришлем учителя с необходимым статусом, и он тебя обучит. Ты все понял?

– Да, вообще-то, – кивнул Хадас и добавил про себя: «Однако даже если „нет“, какой смысл говорить „да“, если вопросов задавать нельзя».

Затем последовала оживленная беседа.

– Ваша спутниковая база знает о нашем существовании?

Некорректно поставленный вопрос, отметил пленник и сразу воспользовался зацепкой:

– Извините, я не совсем понял. Чье существование вы имеете в виду? Ваше личное либо существование людей на планете вообще?

– Ясное дело, я разумею в своем вопросе государство Джунгария.

– Название мне ничего не говорит. Я не знаю его протяженность, координаты и прочие параметры. Можно ли их уточнить?

– Ты слишком хитер, разведчик. Но можно ли из твоих

слов заключить, что ты о нас ничего не слышал?

– Вполне можно, – согласился Хадас. Он впервые подумал, что может вешать им на уши почти любую лапшу. Большинство данных, полученных через него, им абсолютно нечем проверить, и потому его главная задача врать непротворечно, даже под возможной пыткой, и тогда его слова можно будет воспринимать со стороны либо как чистый вымысел, либо как истину – в зависимости от настроения.

– Но могут ли о нас знать другие, более высокие статусы на базе, чем ты?

Ну вот, отметил Хадас: собеседник уже перенес собственные общественные отношения на представителей Земли. Это была непростительная ошибка со стороны дипломата: явно давала себя знать двадцатилетняя изоляция планеты. Требовалось включаться в игру, раз уж ему подыгрывали.

– Я не могу знать всего, что известно вышестоящим статусам.

Собеседник был явно доволен таким ответом, видимо, считая, что столь хитрыми вопросами выведал у допрашиваемого большие секреты. Одним из них он явно считал социальное устройство Маарарской базы. Похожим образом они беседовали еще долго. У Хадаса затекли руки от крепления и ныл позвоночник, до сих пор не привыкший к увеличенной нагрузке, но он не хотел выдавать собеседнику свои слабости. Кроме того, ему сильно захотелось пить, но и здесь он сдержался. Однако чем дальше шла беседа, тем более он

убеждался, что ничего не теряет от лишней просьбы.

– Извини, уважаемый статус Семь, я не могу разговаривать. У меня пересохло во рту, и мои руки уже почти отнялись. У тебя рядом охрана, и деться мне некуда: почему нельзя отвязать меня?

Статус Семь перекинулся несколькими фразами с полицейским, затем отдал команду, и один из одетых в красное исчез. Вскоре принесли воды, однако не развязали. Стало несколько веселее, и беседа текла ровно и не торопясь. Хадас никогда не общался с инопланетянами, да и вообще уже некоторое время варился в собственном соку вопросов без ответов, так что ему стало даже интересно нездоровым любопытством уличного автомата для продажи газет: «Купят – не купят?»

Вообще-то местные не являлись инопланетянами в начальном смысле слова, были они плоть от плоти свои: потомки колонистов, да и наверняка не далее второго-третьего поколения, но тем не менее у них явно проглядывались бешеные культурные отличия, взять хоть этот странный язык. Хотя он не лингвист, не ему судить. Мало ли разных языков имеется на Земле еще и в настоящее время, а сколько их было ранее, до исчезновения с лица планеты некоторых народов. Рассказывают, даже в Европе раньше столько водилось, были, например, какие-то немцы и еще много общин-государств поменьше, и вроде бы совсем недавно, однако повымерли постепенно: смертность у них превышала

рождаемость – надо же, Земле бы в целом такие проблемы.

Хадас уже мало обращал внимания на руки, он вел милую беседу, одновременно не забывая вплетать в складывающееся повествование непротиворечивую ложь. Было ли в том спасение? Он не знал, и для него самого его наверняка не было, но, может, оно было для других пилотов или для базы в целом?

Потом, как-то неожиданно, допрос прервался и все статусы, кроме полицейского, его покинули.

* * *

«...Стратегический военный расклад, сложившийся в системе звезды Индры – желтого карлика, лишь в полтора раза превосходящего Солнце по диаметру, выглядел следующим образом. Единственная из четырех планет, пригодная для жизни, – Гаруда, некогда заселенная землянами, из процветающей колонии со временем превратилась во враждебный Земле мир. Боевые действия по ее усмирению, помалу и помногу, обернулись непрекращающейся бомбардировкой суши планеты. Земляне закрепились на естественном спутнике Гаруды – Мааре, некоем аналоге земной Луны. (Как оказалось, наличие относительно крупного спутника возле планеты, находящейся в зоне приемлемой звездной температуры, ведет к благоприятным последствиям по поводу образования океана, а стало быть, жизни земного типа, и, следова-

тельно, – кислородной атмосферы.)

Поскольку земляне так и не смогли разрешить научно-теоретическое противоречие с созданием звездолетов любого типа, связь с родной Солнечной системой осуществлялась через еще одну загадку космоса – Портал. Через него же военные Земли получали подкрепление и все необходимое для ведения войны. Превосходя колонистов техно-военной мощью, люди метрополии сразу получили перевес, однако вот уже долгие годы война все же не кончалась, а некогда счастливая Гаруда преобразовывалась в четвертый непригодный для жизни планетарный компонент системы Индры. Вот так обстояли там дела...»

Вольное толкование исторических документов. Том 7.

* * *

Он не знал счета времени, но милые беседы продолжались суток двое, его могли дернуть в любое время днем или ночью, здесь, в закопанном в грунт городе-государстве, такие биологические условности, наверное, не учитывались. Однажды он взъерепенился, но ведь к этому и шло.

Теперь это было другое помещение, не просторнее прошлого, но явно насыщенное некой зловещей аурой. Хадас Кьюм понимал, что сам обрек себя на муки, однако другого пути соврать у него не было. Самое смешное могло случиться лишь в том случае, если «землекопам» известно гораздо

больше, чем он думает. Если они поймут, что он их намеренно обманывает, называя неправильные координаты базы, его муки приобретут не временный, а необратимый характер, и тогда наверняка он очень пожалеет о своей сегодняшней решимости. «А стоит ли вообще скрывать от них местонахождение Маарарской базы? – иногда подумывал он. – Может ли от их знания что-либо измениться?» Он сильно сомневался в этом, но, однако, предпочел этот очень опасный для здоровья путь.

– Ну что? – спросили его в этот день. – Будете сотрудничать? Нам нужны точные географические координаты. Вы пилот, и вы их знаете. Если вы не захотите назвать их полюбовно – пеняйте на себя.

Он решил пенять на себя.

Дальше за дело взялись ребята в красных передниках. Когда они разложили напротив свои страшные придамбасы, он похолодел, но сдержался: пути назад уже не было. А когда эти страшные карлики закрепили его руки на столе специальными креплениями и первая иголка воткнулась в средний палец, его мозг словно прошило током. Он поспешил расслабиться, однако его умелые пилотские руки, столь необходимо чувствительные, сейчас выделявали с ним страшные вещи. Он более не видел ничего перед глазами, которые ему не дали закрыть, ничего, кроме медленно входящей в палец толстой иглы. Он ясно наблюдал, как она вошла еще на один миллиметр, но это не могло быть правдой: он явственно чув-

ствовал ее присутствие во всем теле. Мозг лихорадочно выдал решение – сдаться. Однако что-то остановило его от крика. Хадас увидел, как игла воткнулась еще чуть-чуть, и сразу палец стал самым главным органом в теле. Все мысли ушли, спешно стерлись из сознательного восприятия окружающие предметы, лица и чужие враждебные маленькие руки. Игла двинулась вперед, и он впервые почувствовал свою собственную кость – или это был обман органов восприятия? Затем по этой чудовищной иголке стукнули молотком. Он дернулся всем телом, насколько позволяли крепления, и едва не захлебнулся слюной, однако не издал даже стоны: он начал жевать свой язык. Ничто не помогало. Он наблюдал, как игла вынырнула через ноготь наружу, выдавливая красную каплю. Он подумал, что прошел час, и вместе со слюной, не чувствуя этого, сглотнул собственную кровь. Визуальное время дробилось на столь малые отрезки, что каждая секунда обращалась в тысячелетие. Он услышал издали повторение вопроса и едва связал происходящее в единое целое. Собственная логика провалилась куда-то в тартарары, а внутри его появился какой-то удивленный наблюдатель, с ужасом фиксирующий происходящее вокруг. Вопрос повторили вновь: внутренний наблюдатель уже посоветовал Хадасу кивнуть, однако он не успел расшифровать его послание... Наконечник иглы перед носом начал выгибаться, и пленника снова прошла волна нарастающей боли. Он не понял, сколько это продолжалось, когда внезапно воспри-

нял свое тождество с независимым наблюдателем. Теперь он видел себя более снаружи, чем изнутри, и отдаленно понял великолепие мазохизма. Хадас молча пронаблюдал, как игла втянулась под ноготь, и ощутил, как она покинула его внутреннее пространство. И сразу он почувствовал ускоренный ход времени. Он попытался моргнуть, и это получилось: чужие пальцы не держали более его веки.

А затем все повторилось, но теперь он застонал: указательный палец явно был более чувствительным. Пора было сдаваться, но он снова не успел. Внешние, ушедшие из восприятия события опередили его. Он начал их воспринимать, лишь отдышавшись. Он не мог повернуть голову и скосил глаза в сторону голосов. В комнате находился какой-то новый человек. Судя по обилию одежды, это был большой шишка. Он оживленно ругался со статусом Семь. Человек был в белом, в чем-то наподобие рубахи без рукавов и еще, конечно, в юбке. Прибывший размахивал большой бумагой и показывал на свой медальон. Хадас боялся смотреть на свои пальцы, он прикрыл веки, пытаясь успокоить бухающее внутри сердце. Сквозь назойливый шум голосов он иногда отчетливо слышал перевод: высокий снова забыл отключить свой аппаратик. «Я получил указание от Нобуёси». – «Покажите». – «Это были устные указания». – «А у меня, любезный, письменные. Полюбуйтесь на печать». – «Но ведь это роспись Баджи Рао, а не Мюфке-Маруна». – «А я, по-вашему, от кого?» – «Меня никто не информировал. Я не

имею права. У меня, дорогой, сроки поджимают». — «Представляю, как вы запоете, когда вам позвонит глава Демографического отдела». — «Вы меня не пугайте!» — «Слетите, слетите со своего теплого местечка как миленький». — «Что вы на меня давите, здесь младшие статусы». — «Плевал я на статусы, когда Мюфке-Марун узнает о телесных повреждениях, вас сбросят вниз сразу статуса на четыре». — «Да у меня же указания Гуттузо о проверке добытых данных». — «Подождут ваши данные». — «Как подождут, что я доложу Нобуёси. У меня сроки». — «Бумага останется у вас. К черту сроки. Вы что дураком кидаетесь, в вашем министерстве таких не держат». — «Откуда вам знать о нашем министерстве — оно секретное. У нас отдел». — «Я с вашим отделом ссориться не собираюсь, но я должен заполучить материал». — «Материал все не прочь заполучить, особенно белые отделы, но ведь он один». — «Вот и не упирайтесь, он был у вас сколько?» — «Но ведь никто не говорил о сроках поначалу». — «Это ваше, дорогой, упущение. Хотите свою нерадивость прикрыть теперешней прытью?» — «Как, к черту, прикрыть, да я первый раз слышу». Внезапно перевод прекратился, но перебранка шла еще долго, и Хадас радовался каждой секунде отсрочки будущей новой боли. Однако он ошибся. Вскоре его отвязали. И снова он не понимал причин и следствий, и снова его судьба была покрыта мраком, потому как повели его теперь по совершенно новому маршруту.

«...в результате отвлечения и уничтожения истребительной авиации противника, два звена „Б-29“, двигаясь на недоступной зенитной артиллерии высоте, сбрасывают пятнадцать бомб над двумя основными городами противника. После воздушных взрывов, в первом случае семи, а во втором восьми зарядов по двадцать килотонн, вследствие действия ударной волны и пожаров погибает примерно два миллиона гражданского населения, а примерно три миллиона получают ранения тяжелой степени. Действие радиоактивного излучения на первой стадии не учитывается в связи с длительностью своего полного проявления. На этом этапе рекомендуется выждать несколько суток и отследить политические и психологические последствия акции. Притом продолжать массированное применение обычных средств поражения по вооруженным силам и коммуникациям противника. Срок отсрочки может быть удлинен или же сжат в соответствии с развитием событий на фронтах. На современном этапе, к сожалению, нет возможности непосредственно эффективно воздействовать на сухопутные и находящиеся вне порта военно-морские силы атомными бомбами, поэтому нашим войскам и армиям союзников придется проявить чудеса стойкости в открытом бою, однако и в этом случае мы рассчитываем на решающее воздействие нашей подавля-

ющей воздушной мощи.

При всем том, если в итоге акции противник не примет наши условия *любого характера*, нужно начать выполнение плана в полном объеме. Приблизительно в течение тридцати суток на семьдесят объектов, включая города, будет сброшено более ста тридцати стандартных зарядов. Общее количество убитых более тридцати пяти – сорока миллионов гражданского населения. Понимая всю ответственность, разработчики плана тем не менее предполагают, что долгое затягивание с выполнением операции ведет к полной неясности последующих событий, и рекомендуют все-таки воспользоваться выданной нам Всевышним исторической форой.

В результате применения вышеперечисленных мер государство противника разбивается на отдельные оккупационные зоны, а также...»

Выдержки из документа. План не осуществлен, поскольку внушала опасение неясность в оценке сил противника, а также нерешительность политических лидеров страны-составителя. Местное летосчисление: год 1948-й. Место разработки и неосуществления – планета Земля, Солнечная система, галактика Млечный Путь, УГВ (Условно Главная Вселенная).

* * *

Однако заманчивое предложение, подумал он в очеред-

ной раз, хотя старался увести мысли в любую из возможных сторон от этой. Получалось как в старой легенде о способе бессмертия: «Постарайтесь, падишах, не думать о белой обезьяне, и никогда не умрете». Попробуйте, черт бы вас побрал! Никак, никак в голову не шли другие мысли, слишком давно он не видел женщин, настолько давно, что, можно сказать, забыл об их существовании, других забот хватало, да и привычный самоконтроль делал свое дело. Но после этого разговора с Доктором (так Хадас окрестил собеседника) все пошло наперекосяк: теперь у него в голове просто роились женщины. Там были молодые и постарше, красивые и не очень, и все в лучшем случае полуголые. Он никак не мог отогнать эти навязчивые видения. Он представлял себя с ними, с целыми толпами сразу и с каждой наедине. Внезапно ему пришла новая мысль из той же пластинки: ведь если у них тут так плохо с мужскими достоинствами, ведь тогда скорее всего для всех этих красавиц он будет не только единственным, но еще и первым. Он внезапно покраснел от этого прозрения и осторожно осмотрелся в поисках скрытых камер. Они могли быть, а могли и не быть. Может, те, кто сейчас подсматривает за ним, читают по его лицу все эти пакости, но, черт возьми, что он мог поделать? Он встал и прошелся по маленькому помещению. Все-таки здесь тесновато. А ведь если они даже не подсматривают за ним сейчас, уж процесс его грядущих романтических походов они точно внимательно пронаблюдают, еще и на пленку за-

снимут. Он на мгновение остановился. Как это вообще будет выглядеть? В этом подземном государстве по крайней мере несколько десятков тысяч людей, может, больше. Допустим, женского пола половина, ну пусть треть, ну, откинем какой-то процент на неспособных рожать по возрасту или по другим причинам, ну, отбросим еще некоторую часть, которую они приберегут на потом, ведь не хотят же они превратить свою ограниченную жилплощадь менее чем через год в сплошные ясли, у них ведь и других проблем хватает? И вот их будут приводить сюда... Поскольку этот процесс априорно надо будет поставить на поток, их будут быстренько раздевать или приводить уже раздетыми, ему некогда будет даже с ними говорить, впрочем, ему это и не надо, а вот им? Он будет с ходу делать свое дело, и так будет продолжаться весь день, наверное, они придумают ему подходящую диету во избежание быстрого истощения. Черт возьми, это будет резвее, чем у животных. Однако сейчас ему этого очень хотелось, древние инстинкты брали свое, и им было наплевать на этику. Он снова попытался увести сознание от щекотливого вопроса, начав вызывать из памяти маршруты последних полетов. Они явно бомбили не то и не там. Но кто мог предположить, что под этим побережьем, так близко к вулканической гряде, существует столь крупный подземный город? А впрочем, почему, собственно, они должны были его бомбить? Что, этот врытый в землю, наполненный импотентами погреб представляет опасность? Он ведь занят свои-

ми проблемами по уши. Но все равно, база явно не подозревала о его существовании, ведь именно над этими местами у него был намечен выход за стратосферу. Возможно, сейчас кто-то из ребят набирает там, над неизвестной толщины гранитным потолком, высоту и свечой взмывает в космос. В принципе мы бомбим по площадям, по заранее согласованному где-то наверху плану, ясное дело, вначале опасные цели, а уж потом дойдет очередь и до этих «землероев». Но ведь они же люди, может, их вовсе не стоит запечатывать в этой самими вырытой могиле насовсем. Вообще, ходили упорные, возможно, намеренно распускаемые кем-то слухи о том, что людей здесь уже вовсе не осталось и вся поверхность захвачена какими-то мутантами или смесью людей с какой-то местной формой живого. И если сознаться, то он верил этим слухам, это было нечто в виде защитной реакции сознания на творимую им разрушительную, варварскую работу. В глубине души он надеялся, что его «колотушки» и «хлопушки» просто роют в затянутой облаками пустыне гигантские воронки, очень большие и глубокие на вид, но абсолютно безопасные для кого-либо. Они повышают радиационный фон просто так, для острастки этих мифических страшных и неуловимых чудовищ, мутировавших ранее из местных колонистов, может, иногда разрушают их хитрые, опасные для Земли механизмы. Все, все оказалось не так. Здесь были люди, и известная теперь наверняка мутация их заключалась в неумении продолжать свой род. Его бомбы, во

множестве сброшенные наверху за эти годы, сделали с ними *это*. То, что эти взрывы устраивал не только он, а объединенная в общей задаче прогрессивная земная цивилизация, — не вдохновляло: он был на острие этого процесса.

* * *

Теперь он лежал на кровати, раздавленный этим новым жизненным откровением. Если бы у него сейчас была возможность покончить самоубийством, он, пожалуй, не очень бы задумывался. Унижение, которое он испытал, сразило его наповал. Не было никаких женщин или девушек, с него просто выкачали все наличные на сегодня сперматозоиды, подсоединив электрические контакты. Жидкость собрали в специальный сложно устроенный сосуд и унесли, вот и вся любовь. Его использовали подобно быку-осеменителю прошлого. А ведь можно было бы догадаться заранее. Это общество на редкость рационально, оно не может быть другим в данных условиях существования. Здесь делается только необходимое, для радостей и печалей здесь нет места. Он находился в муравейнике, в человеческом муравейнике. Здесь не было места вероятностным методам — все тут делалось наверняка. Зачем было позволять близость с женщинами: этот оставшийся от матушки-природы метод давно устарел, он применяется только по привычке и на планетах, которые еще могут себе позволить расслабляться. Он неэкономен по време-

ни и расточителен по материалу. На других планетах этого генетического материала предостаточно, но здесь слишком тяжелое положение. Здесь, где человек стоит очень немного, его гены – ценнейшее вещество. Вовсе нет смысла расходовать их нецелесообразно. С одной выкачанной из него сегодня порции могут искусственно зачать десятки, сотни, а может, и тысячи женщин. Хадас покраснел, с отвращением вспоминая свои дурацкие тайные желания. Жизнь хорошо дала ему по мозгам.

Он не заметил, как вырубился за этими невеселыми мыслями. Однако часа через два его грубо разбудили. Вошли трое не слишком больших, очень бледных, но, видимо, сильных для этого деградирующего мира ребят, скрутили его, а прибывший на минуту позже врач произвел необходимые анализы, подсоединив приборы. Голый и беззащитный Кьюм ждал продолжения экзекуции, похожей на изнасилование. Однако он ошибся и, когда громилы удалились, облегченно вздохнул: он боялся, что повторится та унижительная операция, он бы этого не вынес. Однако рано или поздно она должна была повториться, но такими темпами они могут осеменить не только эту маленькую подземную колонию, но и целую планету, если действовать расторопно, а уж это за ними не заржавеет. Ну а после он станет совсем не нужен, его спокойно отдадут разведке для пристрастного допроса или просто пустят в расход, а может, на мясо. Хадас похолодел. Как-то раньше он не задумывался: откуда они берут мясо? Ведь

теперь его кормили просто на убой, раз пять за приравненные к земным сутки, если не чаще.

* * *

Второй, третий, четвертый, неизвестно какой, и снова день. Долгий подземный день. Он уже свыкся с происходящим, как с наркотиком. Он был просто коровой, дойной коровой. Он пытался бороться: хотел не есть, хотя все внутри просило белков – в него впихнули пищу насильно; хотел вывести из строя свой выданный матерью-природой прибор для продолжения рода – ему скрутили руки, и он убедился в постоянном тайном наблюдении; он хотел не смотреть эти возбуждающие картинки, подсовываемые ему для чтива, но и тут они обхитрили его. Дважды в сутки перед ним стали демонстрировать свои прелести настоящие молодые женщины, а потом с него снова скачивали нужное для этой тайно существующей цивилизации. Однажды он с ужасом вспомнил о прочитанном в детстве: муравьи держат внутри муравейника живые канистры для жидкой пищи, они их кормят, поят, а когда надо, скачивают необходимое. И убежать эти насекомые никуда не могут: они слишком тяжелы, чтобы двигаться. Здесь с ним происходило то же самое. Он попал в муравейник, и его принудили жить по его законам.

Однажды внутрь сложившегося распорядка вкралось изменение. Его долго-долго куда-то вели, а когда дверь открылась, Хадас оказался в очень просторном зале. Его громада была сравнима с главным лунным куполом изнутри, но ведь тот располагался почти у самой поверхности, а этот все так же глубоко внутри матушки-Гаруды. Хадас уставился на очень удаленный потолок. Оттуда вниз свешивалась люстра-чудовище, ранее он наблюдал такие только в фильмах о Средневековье. «Неужели естественный хрусталь? – подумал Хадас. – Однако они тут разжились». Его подтолкнули в спину, и он едва не упал. Затем он заметил человека, одетого до неприличия: в костюме, в высоких ботинках на липучках и даже в фуражке с благородно поднятой тульей. Кроме того, человек был долговяз, и все ему кланялись. Хадас несколько замешкался в исполнении нового для себя этикета и тут же получил дубинкой под коленку. Били умело и почти незаметно для окружающих. Хадас поспешно склонил голову и даже поясницу, он уже понял, что это и есть Верховный, то есть статус Восемнадцать, единственный и неповторимый диктатор всея подземного царства-государства Самму Аргедас. Местный император производил впечатление. Даже при первом поверхностном взгляде на него чувствовался большой ум и сконцентрированная воля.

Самый старший по статусу из прибывших – Мюфке-Марун – отрапортовал, а после короткого вопроса главы правительства начал что-то подробно излагать, периодически показывая на Хадаса. Сам Хадас стоял скромно, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на говоривших. Руки его были сцеплены сзади, а с обоих боков возвышались, достигая плеча, двое полицейских. Позади императора тоже стояла стража, демонстрируя окружающим на обозрение бугры мышц. Наконец Самму Аргедас подал знак, и Хадас приблизился. Охрана в черном тоже двинулась с места, но повелитель остановил их короткой репликой. Хадас оказался в пяти шагах от главнокомандующего местным подземным королевством. Они внимательно посмотрели друг на друга. Диктатор заслуживал интереса. Сам он руководил этой загнанной в угол цивилизацией или через грамотных помощников, в любом случае само долгое существование замкнутого и висящего на волоске по многим параметрам мира заставляло относиться к нему с уважением. То, чем достигалась в данном случае стабильность, не имело значения, да и не знал новичок Хадас всех нюансов.

– Пилот боевой летающей машины? – внезапно произнес местный король на чистейшем общеземном языке без всякого переводящего устройства. – Какой вы, однако, рослый. В былые времена, помнится, для космоса отбирали более мелких, чтобы экономить горючку. Все-таки на каждый лишний килограмм при выводе на орбиту тратятся тонны топлива,

или я не прав?

«Император, конечно, старая личность, – подумал Хадас, – но уж не настолько».

А вслух он сказал:

– Скорость истечения топлива в ядерном двигателе намного выше, поэтому соотношение расхода на полезную массу стало значительно приемлемей. У нас на Земле демократия, посему будет несправедливо по отношению к ней отказать мне в поступлении в космолетчики из-за роста. Его выдала мне природа, я здесь ни при чем.

Лицо верховного вождя внезапно скривилось, и по нему прошла судорога: левый глаз дважды моргнул. Он отвернулся от пилота и прошептал, очень слышно в окружающей тишине:

– Демократия? Разве демократия не является системой, где правит небольшая кучка аристократов в своих собственных интересах, запудривая массам мозги пропагандистскими трюками? А на чем еще держится ваша хваленая демократия? – Его голос начал усиливаться, а шея напряглась. Хадас наблюдал все это вблизи, и ему стало не очень удобно. Окружающие, однако, реагировали спокойно: просто замерли на месте окончательно. – Демократия, – повторил правитель, словно взвешивая слово на языке. – Вы сами, пилот, понимаете, что сказали? Демократия? У вас там демократия? Тогда почему вы здесь? Там, на вашей родине, в курсе, что здесь происходит? Вы что, не даете никакой подписки

о неразглашении военных секретов лет эдак на десять-двадцать? Ну что, даете или нет? Только не врите мне, я вижу насквозь.

Взгляд у этого высокого человека действительно вспыхнул подобно молнии. Гипноз ли это был? Но Хадас никак не мог увести свои глаза с траектории его пылающего взора.

– Да, я давал подписку о неразглашении некоторых военных секретов.

– А я о чем говорю. Вы, дорогуша, абсолютно не волоките в политике, а пытаетесь меня уколоть своими словечками. Если у вас на планете такой рай и вы разрешили все валяющиеся на голову развитой цивилизации проблемы, что вы здесь-то забыли? У вас что, уже нет на планете голодных?

– Есть, наверное, но это бездельники, не желающие работать и хотящие получать все за так.

– Наивный мальчик, мне вас просто жаль. А при чем тут дети этих бездельников? Почему они должны недополучать то, что имеют другие, из-за лени папаши? Или рассмотрим вопрос с другой стороны. Все ли способны летать на этих мерзких агрегатах, напичканных мегатоннами? Я думаю, не все, хотя хотели бы многие. Но есть такая штука – способности. У вас они имеются. И в детстве вам повезло: вы могли хорошо питаться, вам попались добрые учителя, которые думали не только о набивании карманов, а еще и об утрамбовывании вашей головы нужной и полезной информацией, и в то же время не затерли вам воображение. А потом вы

обошли кого-то по конкурсу и дальше умудрились благодаря случайности не попасть в число тех, кто остался без работы. Современный уровень производства, если он, конечно, не упал за то время, пока мы не общаемся с Землей, позволял двум процентам населения обеспечивать всех остальных прожиточным минимумом, в который для современного человека входит очень-очень многое.

В течение всей этой пламенной речи Хадас стоял молча, хотя у него были возражения по некоторым пунктам. Он не был уверен, что диктатор не разобьет их в пух и прах, но опасался он, разумеется, не этого: за недолгую жизнь в великанском погребѣ он усвоил истину взаимоотношений младших статусов со старшими, тем более что не имел никакого. Вдруг Самму Аргедас остановился, словно споткнувшись на очередном слове. Его левый глаз снова часто заморгал, и оттуда выступила маленькая слезинка. Диктатор часто задышал. Однако к нему не бросилась когорта врачей и стража, видимо, недомогание владыки было никого не касающимся явлением, чему Хадас удивился: неужели Аргедас настолько не ценил свое здоровье и жизнь? Но и вправду правитель подземных галерей быстро очухался, возможно, никто из стоящих поодаль даже не заметил его недомогания, и продолжил поучительную беседу. Хадас слушал внимательно, но Самму Аргедас говорил так сложно и долго, перескакивая с темы на тему, что в голове слушателя сохранились какие-то обрывки слов, а вовсе не связанные мысли. Может,

цель речи была не доказать что-то, а просто выговориться или попрактиковаться в забытом языке: он не знал ответа, но слушал дальше, имитируя интерес.

И в общем оба остались довольны знакомством: один выпотрошил наружу свое красноречие, другой несколько отдохнул от перемены обстановки.

* * *

«...В процессе осуществления в реальности составленного много лет назад плана становилось ясным, что явь гораздо сложнее бумажных разработок. Даже не учитывая предпринятых противником мер противодействия, выяснился такой интересный психологический фактор, мешающий выполнению плана в полном объеме: стандартная полная загрузка „Б-52“ включала в себя двадцать четыре ракеты и бомбы с мощностью, в десять и более раз превышающих Хиросиму. А вот с ракетами было проще: экипаж спокойно избавлялся от груза и продолжал движение по пробитому тактической авиацией фарватеру. Однако с бомбами оказалось сложнее: здесь пилоты становились свидетелями применения своих зарядов, и большое число экипажей получило шок. Происходили случаи схода с установленного маршрута и досрочного возвращения на аэродромы. Дважды самолеты сели с двадцатью тремя боеголовками на борту, одна из посадок оказалась неудачной, пришлось эвакуировать персо-

нал с собственной, не тронутой противником базы, а однажды бомбардировщик вернулся с пустыми трюмами, сбросив свой груз на обратном пути в океан. Нам пришлось срочно проводить специальное тестирование экипажей на предмет предварительного отбора и, кроме того, уменьшить боевую загрузку до пяти зарядов...»

Документальная запись. Местное летосчисление: год 1957-й. Планета Земля, Солнечная система, галактика Млечный Путь, УПВ (Условно Параллельная Вселенная) № 5.

* * *

Когда в своем движении Хадас узнал родные коридоры, он понял, что скоро состоится новая встреча с Самму Аргедасом. Стало веселее, лучше было выслушивать любую галиматью, чем страдать от безделья в камере в предчувствии неизвестности или следовать на экзекуцию, похожую на доение коровы, почти вымершего, но доселе знаменитого животного. Он не ошибся.

Теперь на прием его сопровождали только двое полицейских. Это было пятое хождение к генералиссимусу-императору, видимо, Хадас стал одним из его постоянных собеседников, а может, чем черт не шутит, единственным? Ранее он думал, что полицейские призваны предотвращать бегство пленника, но последний раз произошел инцидент, который

расширил знания Хадаса о местных порядках. На одном из поворотов, когда они сворачивали с главного коридора на менее просторный примыкающий, на эскорт было совершенно нападение. Напали две женщины, одетые в купальники. В этой одежде было страшно неудобно прятать серьезное оружие, да и не имели, по всей видимости, они к нему доступа, так что атаковали они с двумя маленькими складными ножами. Полицейский, находящийся к ним ближе, мгновенно пустил в ход дубину с электрическим набалдашником, а его коллега дернул в сторону Хадаса, уводя из-под удара. Все обошлось. Подроспевшая полиция скрутила террористок и перевязала герою-коллеге подраненную руку. Хадас понял, что местное население, родившееся в бомбоубежище, питает не слишком дружеские чувства к водителям бомбардировщиков. С тех пор при переходах он всегда напрягался, когда вблизи оказывались посторонние аборигены.

Самму Аргедас вновь встретил их стоя. Он кивнул Хадасу, как старому знакомому, когда тот склонился в ритуальном поклоне. Затем император молча сделал знак, и полицейский освободил пленнику руки. Как всегда, Хадас был за это крайне благодарен. Высочайший статус подземного мира велел полицейским исчезнуть, что они и сделали. В зале осталась только личная охрана, да и та на некотором расстоянии. Самму Аргедас начал беседу.

– Кажется, в прошлый раз мы вновь недоговорили о демократии, пилот. Вы еще не потеряли интерес к теме?

Ясное дело, Хадас Кьюм его вовсе не потерял: любая беседа была лучше сидения в камере.

– Демократия слишком неэффективная система, она так-сяк существует, покуда все гладко, но она совсем вяло реагирует на потенциальную угрозу, слишком сложно ее сдвинуть с места, заставить посмотреть на перспективу. По большому счету, когда доходит до серьезного дела, ее всегда выбрасывают на свалку, хотя бы временно. Если внутри демократии не остается тоталитарного стержня, могущего запустить машину террора в случае надобности, она всегда пасует перед внешними и значительными внутренними трудностями, и в конечном счете она всегда проигрывает. Либо изнутри, либо снаружи ее загрызают внешние силы. Все общество пользуется ее плодами, но никто конкретно не хочет за нее умирать. Для того чтобы люди умирали за что-то, быстро или медленно, то есть жертвуя жизнью сразу или постепенно, их приходится заставлять, а для таковой цели необходим террор. Может быть, альтернатива – убежденность в идее, за это тоже умирают. Но для того чтобы умирали не за свою собственную, а за чужую правду, необходима целенаправленная пропаганда, то есть умелая манипуляция фактами, когда скрывается одно и выпячивается другое, а коль другого нет – оно убедительно выдумывается. Для существования демократии нужно вялое, размягченное население, задуренное всякими байками об ужасах тирании, а вот для тоталитарной страны нужен сплоченный единой судьбой, луч-

ше единым несчастьем, народ, сильный и решительный, где надо, а еще нужен враг, не важно, внутренний или внешний, вот тогда все получится. Никакая демократия с ее сюсюканьем не способна справиться с таким народом. Вот мы, например, являемся именно таким народом, и мы горды тем, что у нас нет демократии.

* * *

– Величайший из статусов, – сказал Хадас как-то Самму Аргедасу, – а вы не опасаетесь, что охрана может запомнить ваши слова и, не дай бог, довести их до одного из помощников?

Самму Аргедас посмотрел на Кьюма с новым интересом.

– Они ничего не слышат, пилот. У меня в кармане звукоизолирующий противофазник с пятиметровым радиусом. К тому же, если я узнаю об их предательстве, они неминуемо попадут в лапы ДОВИ – отдела Добычи и Обработки Важной Информации, представляете, что там с ними сделают? – Статус Восемнадцать нехорошо осклабился.

Хадаса передернуло.

* * *

Они пришли к нему ночью. Может, это была по-настояще-

му и не ночь, все в этом мире давно-давно перепуталось, однако Хадас спал. Разбудили его, как всегда, без церемоний. Прибывших было трое, двоих из них Хадас ранее в глаза не видел. Ему сцепили руки и приструнили к стене. Спросонья он уже ожидал худшего, но все ограничилось разговором.

– Военный преступник Хадас Кьюм, бывший корвет-капитан космофлота планеты Земля, бомбардировочного звена «Фенрир»? – спросил хорошо одетый неизвестный тихим, шелестящим голосом.

– Я уже отвечал, что не являюсь пилотом бомбардировщика, я летал на разведчике, – привычно соврал Хадас, ожидая избиения.

– Разницы нет, офицер, дело вот в чем, – придвинулся к нему незнакомец. – Вам нравится ваша теперешняя жизнь?

– Нет, она мне не слишком нравится, но бывает хуже, – философски заметил Хадас и выжал из себя улыбочку.

– Есть две возможности, Кьюм, – сказал незнакомец и уставился ему в глаза не мигая. – Выбрать ту или другую – зависит от вас. В случае согласия – вы приносите пользу и себе и всему нашему народу, а может, даже вашему. За выполнение нашей просьбы вы получите повышение минимум на пять статусов сразу и очень быстрое продвижение в дальнейшем, вы попадете в наш круг. В случае неудачи по не зависящим от вас причинам я гарантирую вам быструю смерть. При отказе я обещаю вам мучения величайшей тяжести и длительности. Варианта, оставляющего все как есть, я вам не

предлагаю – его нет. Дело за вами. Подумайте с часик, а чтобы вам лучше решалось, с вами побеседует мой статус Четыре. – Он кивнул на стоящего за спиной не слишком одетого хмурого человека и исчез.

Хадас думал, что теперь его отцепят, но не тут-то было. Он почувствовал, что здесь что-то не так, и оказался прав. Хмурый человек придвинулся. Хадас с опаской посмотрел ему в лицо и тут же получил удар в солнечное сплетение. В глазах потемнело, и боль ударила в мозг, подавляя мыслящие функции. Потом все повторилось. Так продолжалось долго. Хмурый бил умело, в разные места, но следов не оставалось. Когда появился главный незнакомец, Хадас был едва жив.

– Ну, – весело спросил вошедший. – Вы хорошо провели время? Итак, повторяю: у тебя, Космофлот, две возможности. Если согласишься, мы друзья навеки, если нет – мучения в течение долгих месяцев. При неудаче – легкая смерть.

– Так о чем, собственно, речь? – тяжело прохрипел Хадас, сглатывая накатывающийся изнутри кровавой ком.

– Дело пустяковое, господин корвет. Вы должны прикончить Самму Аргедаса, знаете такого?

Хадас вскинул голову, хотя это было больно. Такого поворота он почему-то не ожидал.

– Мы вернемся через часик, Космофлот. А пока подумай в тишине и покое. Помни, если не согласишься – это твоя последняя спокойная ночь.

Когда Хадаса отцепили от настенного крепления, он наконец смог упасть.

* * *

«...Странный это был город или даже государство, а может, отдельная цивилизация. И возник он очень быстро. Как только над планетой сверкнули первые атомные сполохи, еще не касаясь атмосферы, а всего лишь где-то там, за сотни миль, перетирая на молекулы спутники раннего предупреждения и связи, многие поняли, что теперь за дело взялись силы иного порядка и неплохо бы подыскать местечко побезопасней. Никто, разумеется, не думал, что придется не просто пересидеть, а спрятаться навсегда. Или почти никто. Самму Аргедас, разумеется, был пророком. Был он тогда помоложе, поступками своими походил на сумасшедшего, однако умел сплачивать вокруг себя работающие и спаянные команды, и редко кто решался спорить с ним в открытую. По слухам, он дезертировал из армии Свободной Махабхараты, ушел вначале в горы Баала, прихватив с собой кучу строительной техники, оружия и половину своего полка, линчевав предварительно назначенного командованием начальника. Со временем от освоения всего абсолютно неисследованного Баала пришлось отказаться: почти невозможно было снабжать начинание всем необходимым в центре горной гряды, и Аргедас переместил свое предприятие поближе к

цивилизации, в предгорья Ханумана. Вначале правительству данного континента было не до нового пророка-мятежника с претензиями Ноя, у него забот и без того хватало: земные агрессоры парализовали средства коммуникации над всеми континентами и почти заставили отказаться от авиационного транспорта. Однако пришельцы из Солнечной системы покуда не имели базы, ведение войны с космолета было не очень легким делом, да и держался он от планеты далековато, опасаясь ответных действий. Земляне, конечно, не были дураками: учитывая тысячелетний опыт войн, они решили проблему отсутствия достаточного количества космических истребителей их оборотистостью. На каждую машину имелось по несколько экипажей, а потому не успевал истребитель заправиться, как место в кабине занимал более-менее отдохнувший пилот. Поэтому боевые космолеты постоянно висели над планетой, все время меняя орбиты и частым маневром компенсируя недостаток своего числа.

Самму Аргедас сразу понял, что с такими космическими соседями радиосвязь и прочие технические коммуникаторы канули в Лету, и резко переключился на пешеходную почту, доселе на Гаруде неведомую. Его посланники вели агитацию всюду, где можно, в первую очередь там, где находились люди более грамотные и близкие к науке и технике, но и о простых смертных не забывали. Не все их речи серьезно воспринимали, но лиха беда начало. Когда бомбы стали рваться в атмосфере и на поверхности, покуда не слишком сильные,

но вполне достаточные, чтобы выворотить наизнанку и поджечь небольшой город, причем взрывались эти «хлопушки» не всегда над самыми важными целями, более-менее надежно прикрытыми ПВО, а где придется, дабы демонстрацией мощи принудить врагов к капитуляции, тогда речи ораторов сразу припоминались. И повалил народ на предгорья Ханумана, как когда-то паломники в Мекку, даже еще резвее. Аргедас брал всех и всем давал работу. Однако предварительно прибывшие приносили ему клятву верности и лишались на чисто своего имущества: это было просто – все нетранспортабельное уже изначально являлось потерянным.

Системы природных пещер, разумеется, хватило ненадолго: стали они делать углубку по заранее составленному плану, а планы эти были грандиозны. Большие города Земли часто сравнивают с муравейниками, однако все понимают, что это литературное сравнение. Но условия жизни людей в этом закопанном в верхнюю корку планеты общественно-организованном образовании давным-давно вышли за рамки человеческих. Этот город был муравейником по сути – зато он быстро рос. Ведь он существовал сам для себя и отнюдь не для каждого конкретного жителя.

Да, поначалу люди, попавшие в подземные катакомбы, были довольны спасением и воспринимали лишение имущества и свободы как достойную плату за жизнь, но человек очень забывчивое существо: память его основана на химических взаимосвязях, и нейронные цепи физически утол-

щаются только при многократном повторении пройденного. Очень скоро спасенные забывали о приобретенном благе и начинали роптать: то им есть не хватало, то бесконечная работа по откапыванию грунта надоедала, затушевывались воспоминания об огненном аде наверху и скучно становилось от однообразия будней. Человек все-таки не термит или рабочая пчела, у которых весь мозг состоит из нескольких сот нейронов, и в среде, лишенной разнообразия информации, очень много ушей находили речи ораторов, считающих, что посланцы величайшего пророка Самму Аргедаса их обманули и попали они вместо подземного рая напрямую в ад. Поскольку человек по своей природе ленив, особенно когда работа тяжела и край ее не виден, – ропот усиливался. Но зачинатель литосферного Эдема во многих случаях действительно оказывался пророком: он знал, что совесть понятие расплывчатое и подписавшиеся под договором люди склонны его нарушить, когда дело складывается не только в их пользу. Новоиспеченный диктатор трезво рассчитывал, что все управление массами базируется на прянике и кнуте, а еще на пропаганде, которая, подобно линзе, увеличивает эти предметы. Особо сложно усиливать страх: здесь нужно запутать логику, которая у любого существа, уровнем выше примата, доказывает, что все тщетно и бой со смертью, сколько бы раундов его ни вести, имеет однообразный конец. Страх нужно не просто раздуть, но раздуть в нужном месте, так, чтобы он заслонил собой все остальные страхи

и замкнул на себя Вселенную, – вот тогда цель достигнута. Чем можно заслонить страх смерти? Только жестокостью. А поскольку другого компонента власти – пряника – у руководства не было, вершить дела подземные должны были воистину безжалостные люди. Таковые быстро нашлись, вернее, были найдены Аргедасом. И понеслась круговерть, и закрутились шестерни этого новоиспеченного государственного механизма, а поскольку внешние ограничения не давали разрастись устройству бюрократии и, кроме того, ведал пророк подземный об историческом опыте – как ухлопывало это чрезмерно усложненное раковое образование империи изнутри, стал он следить за чиновничьим аппаратом, как хороший садовник за клумбой. И летели из-под его ножниц головы, как стебельки; на их месте новые, разумеется, сразу же рождались, как у гидры мифической, но не давал Аргедас этому организму до состояния змей, Лаокоона когда-то задушивших, разрастись, и не успевали головы чудища заслонить быстрое движение заточенного меча. И славно пошло развитие города-государства, не с пользой для жителей, но с ущербом для общего энтропийного процесса, на планете творящегося, правда, цели его менялись, и никто их до конца не ведал, кроме правителя верховного, а он тайну хранить умел...»

Вольное толкование исторических документов. Собрание сочинений. Моменты, не вошедшие, но обязательно бы попавшие в него, если бы о них было известно.

А ведь он бы мог согласиться. В конце концов, разве Аргедас Первый Неповторимый не был его противником или врагом базы? Разве не должен был бы он по своему воинскому долгу помогать любым силам оппозиции, возникшим в стане подземного королевства? Нет бы им по-хорошему объяснить ему возникшую ситуацию, поговорить по-доброму, взвесить все «за» и «против», растолковать свою позицию – однако они пошли по другому пути: отвыкли они здесь от человеческого обращения, довоспитал их рабовладельческий строй, привыкли они тут приказывать да наказывать, а для дела это не всегда лучший метод, во всяком случае не в его варианте. То, что даже в случае удачи Хадас не имел никаких шансов выжить, кромеа ничего не значащих обещаний, имело некоторый вес, но отнюдь не главный. Достали они его, по-настоящему достали.

Сейчас, чувствуя животом свое пластиковое оружие, он вновь прикидывал детали предстоящего предательства, взвешивал на языке слова приговора и наслаждался еще не свершившейся местью. А статус Восемнадцать уже не на шутку увлекся изложением очередной побасенки о нездоровых путях развития эволюции разумного вида животных с планеты Земля.

– Размышляя по-зрелому и отбросив все сентименталь-

ные выверты, Земля не могла терпеть, чтобы где-то еще развивалась цивилизация с неизвестными целями. Земляне очень долго раздумывали о том, в каких направлениях могут развиваться цивилизации вообще, но это все были теоретические прикидки, имеющие под собой только наземный опыт истории одной планеты. После того, как неконтролируемый прогресс привел к череде кризисов и практически при любых перспективах вел впоследствии к катаклизмам или же к поискам альтернативных путей, нежелательных прежде всего реально правящим на планете структурам, прогресс взяли под контроль, а взятый под контроль прогресс – это и не прогресс вовсе. В принципе, все можно было объяснить общечеловеческими целями, потому как, в общем, процесс развития, по своей логике, в случае начатой благодаря открытию Портала звездной экспансии привел бы к замене человека неким альтернативным полуискусственным существом, более приспособленным для движения вперед. Куда при этом было девать уже существующее многомиллиардное человечество со всей его многотысячелетней историей развития? Чем бы оно стало после появления сверхумных и сверхприспособленных существ?

Когда Самму Аргедас сделал эту очередную паузу в своем разглагольствовании, Хадас Кьюм мило улыбнулся и, почти не разжимая губ, прошептал:

– Вас предали, статус Восемнадцать. Вас хотят убить. Они желали, чтобы это сделал я, но ведь это не в моих интересах.

Самму Аргедас не зря столько лет держал в руках рычаги власти. Для внешнего наблюдателя, по крайней мере по внимательности равного Кьюму, ничего в его поведении не изменилось, он продолжил речь на прерванном месте.

— Да и в принципе, кто мог гарантировать, что эти сверхлюди, в свою очередь, не устареют очень быстро, поскольку будут толкать локомотив развития невероятно интенсивно? И кто поручится, что они, в свою очередь, добровольно сдадут свои позиции неминуемо порожденным ими продолжателям с новыми волшебными свойствами? И что, если они не передадут эстафету разума следующим, а просто выберут собственное, пусть и несколько устаревшее морально существование? Не будет ли в этих условиях жертва прошлого, канувшего в Лету человечества просто глупой? Ну какая разница, на какой стадии остановится прогресс, если он все равно встанет? Раз человечество дошло до своей верхней ступени, не есть ли правильное решение — остановиться и далее «не пущать»? И, соответственно, не только себя, но и всех других. Колония, имеющая вокруг себя не освоенную до конца богатую планету и целую нераспаханную звездную систему, при этом желающая автономии во всем, становилась, по зрелом размышлении, очень опасной.

А там, за спиной Хадаса, вдруг раздались удары и задавленные голоса. Он покосился назад: видимо, Аргедас подал охране какой-то незаметный для других знак, потому как стражники, явившиеся с тыла, вязали всех прибывших

с Хадасом людей, не глядя на статусы.

Затем телохранители вновь обыскали самого Хадаса и отобрали складной нож.

– Спасибо, пилот, – сказал ему Аргедас, быстро покидая помещение. – Вы останетесь при мне.

Хадас Кьюм более не вернулся проживать в Демографический отдел, и еще ему присвоили статус за номером Ноль. Это был явный недобор по сравнению с обещанным заговорщиками повышением на пять пунктов, но тем не менее он вышел из патовой ситуации и выиграл партию.

* * *

Когда на торжественном ужине, устроенном Аргедасом по поводу разоблачения очередного заговора, Хадас Кьюм доедал плов, размышляя, откуда в этом подземелье берется рис, статус Восемнадцать, мило улыбаясь, поинтересовался:

– Статус Ноль, как вам наше коронное блюдо?

– Ничего, – прошамкал Хадас, застигнутый врасплох, пытаясь незаметно проглотить находящийся во рту кусок мяса.

– Это из того парня, который обидел вас в камере Демографического отдела. Он довольно жирный, правда?

И тогда Хадаса стошнило.

Всем окружающим стало очень весело, а Хадас так и не узнал, откуда берется рис, но зато получил ясный ответ насчет другого компонента.

* * *

– Хотите экскурсию, статус Ноль? Большую экскурсию-круиз по нашему подземному городу-государству? – спросил его как-то Самму Аргедас.

Еще бы ему было отказываться: мало того, что он был в роли шпиона, так еще и появилась надежда удрать отсюда каким-либо образом. Много позже он часто думал, почему местному королю приспичило показывать представителю ненавистного космофлота свою тайную империю и ее секреты, и единственным достойным ответом было – хвастовство: только человек извне мог оценить всю грандиозность созданного им колосса. Все местные давно к этому попривыкли, а большинство родилось в этих стенах и не ведало другой жизни, да и их образование и кругозор оставляли желать лучшего. Здесь нужен был военный, прочувствовавший обстановку наверху и способный оценить все милитаристские чудеса. Корвет-капитан бомбардировочного подразделения «Фенрир» был идеальным случаем, хоть он и прикидывался пилотом разведывательной машины.

* * *

Теперь Хадас стал интересоваться местной историей, а не

только изучением языка. Были ли здесь архивы, он ведать не ведал, но кое-что он все же узнавал и, исходя из известного ранее, – сравнивал. Наверное, как и всюду, в один из моментов все здесь пошло наперекосяк. И сюда за сотни парсеков боженька дотянулся своими всемогущими дланями. Не получилось все в тиши и спокойствии, как и при строительстве Вавилонской башни: оказалось не просто уговорить достаточно расплодившихся колонистов, к самоуправлению по-привыкших, совместными усилиями объединиться для какой-либо цели, а тем паче для противодействия Земле. Разные были на то причины, иногда достаточно тривиальные: некоторые, кто побогаче, к роскоши попривыкли, а всякие штучки экзотические только с метрополии родной и поступали. Было их не так много, но в основном это были люди с достатком и имеющие вес. Многие хорошо грели руки на поставках этих самых предметов улучшенного быта и тоже свой кусок изо рта выпускать не хотели, и плевать им было на заявления агитаторов о самоуправлении и развитии своего местного производства. Играли роль и чисто географические, можно сказать, уникальные факторы Гаруды: восемнадцать отдельных материков – это вам не шутка, по площади они превосходили сушу известной планеты – третьей от Солнца. Как всегда, все началось с мелочей, но решилось по-крупному. Когда континенты Ридвана и Валтасара вступили в преступный сговор не только между собой, но и с метрополией, остальные протектораты, точнее, те, кто в них

заправлял, пригрозили им вторжением. Посмеялись срединно-южные материки: «Руки у вас коротки, а за нас сама родина-мать заступится, да и хватит ли у вас силенок, представляете, какой флот, какая армия нужны, дабы нас оккупировать?» Их оппоненты это отлично понимали, а потому и захватывать не пытались: прекрасно соображали они, что самая длительная война – это битва с партизанами на их территории. Были они рационалистами и шли ва-банк, знали они, что Земля сильнее и, если успеет довооружить оппозицию, загонит их в угол. Мечтали они о равном с прародиной сотрудничестве, а как можно было бы его достичь, имей метрополия форпост на Гаруде размером с четыре Австралии? Заявку на равенство с Землей можно было предъявить, лишь располагая всеми ресурсами планеты. Да и стоит появиться прецеденту, расшатается вся непрочная коалиция. Тогда они решили скрепить ее кровью, точнее, реками крови. Должно это было усмирить не только внешнюю, но и внутреннюю оппозицию. Нанесли они по Ридване и Валтасаре внезапный атомный удар: неосвоенных земель в этом мире еще хватало, так что с дезактивацией почвы можно было подождать. И тут понеслось... Не все пошло по плану, оказалось, что оппортунисты успели получить с Земли кое-что, а потому не слишком в долгу остались: мало того, что на головы зачинателей несколько десятков зарядов упало, так еще их собственные не всегда до цели доходили – перехватывала их система высоких технологий, ясное дело, чьего производства.

Все грозило перерасти в многонедельную, а может, и многомесячную битву, а такое было недопустимо – Земля-то ведь не спала. Однако до нее было тем не менее далеко. Траванули Ридвану новым токсином, созданным на основе смеси аминокислот местной флоры с одним земным вирусом, давно на родной планете уничтоженным, но все еще обитающим в институтских пробирках, а в Валтасаре сумели поднять мятеж и успешно ликвидировать неуступчивых лидеров. Когда космофлот из Солнечной системы подоспел – помогать было уже некому.

* * *

«Большая дура! – думал Хадас, разглядывая уходящую вверх титановую громадину. – И ведь она куда-то нацелена, ведь не муляж же это? – Находящееся перед его носом порождение гигантизма было необъятно в ширину – словно основание крепостной башни, оно заворачивало и заворачивало в обе стороны, создавая вместе с блестящими стальными стенами закругленный коридор, и уж совсем непредставимо оно уносилось ввысь. В узком пространстве шахты начисто отсутствовала перспектива: потому все большое автоматически становилось неизмеримым. – Какой же все-таки она длины, интересно? – продолжал размышлять Хадас. – Не может же она быть больше ста метров? Это же уму непостижимо. Или все-таки может?» Спросить напрямую он не

смел, ему строжайше запретили разговаривать с кем-либо из окружающих, за исключением своего постоянного гида – статуса Девять по имени Хайк, а тот ясно дал понять, что даже употребление слова «ракета» с его стороны будет расцениваться как «разглашение военной тайны и подстрекательство к мятежу». Хадас наклонил голову и заглянул под основание: там, наводя свои мощные жерла в темную узость газоотводящего ствола, громоздились более тридцати сопел. «Вот это да! И вся эта батарея должна будет работать согласованно?» – снова удивился Хадас. И все это чудо было разработано здесь, в отрыве от основной цивилизации-донора, в условиях полного уничтожения всех завоеваний колонии. Хадас не знал характеристики топлива, да и вряд ли бы разобрался, предоставь ему формулы, он не был химиком, однако при таких сногшибательных размерах эта многоступенчатая конструкция наверняка разгонялась до второй, а то и третьей космической скорости. Черт возьми, он обладал бесценной для базы Земли на Мааре информацией: он обнаружил реального, до зубов вооруженного противника, технически способного вести агрессию, а там, в штабе астро-адмирала Гильфердинга, продолжают планировать какие-то боевые операции против никому не нужных территорий и площадей вымершей местности, делая их мертвее царства Аида.

За время своих экскурсий по подземному королевству Хадас не переставал дивиться технической сметке местных инженеров, поражала способность сочетать крайний прими-

тивизм с прорывами в выси техноэволюции. Но здесь, в этой выкопанной из глубины пусковой установке, он мог вообще не прикрывать рот от удивления. Однако, когда ему показали начальный этап перезарядки и громада стального стакана стены принялась возноситься вверх, толкаемая системой сверхмощных паровых домкратов, Хадас едва не лишился речи: там, за исчезнувшей железной преградой, громоздились разобранные на отдельные ступени сестры-близняшки исполина. Он словно попал во внутренности огромного, великанского пистолета, в его обойму: перед ним и вокруг него громоздилась роботизированная система автоматической перезарядки баллистических ракет. Потерянно, подобно муравью, он шел за Хайком, пялясь на обтекаемые обводы: он насчитал четыре повторяющихся сегмента каждого вида. Если бы первую снаряженную ракету запустили, предварительно распылив запирающий ее сверху многометровый слой нетронутой породы, то следом бы началось снаряжение аналогичной посланницы: умные железные руки стали бы быстротечно скреплять последовательно подаваемые ступени, начиная с самой маленькой верхней, вознося ее постепенно выше и выше. Сколько бы на это понадобилось времени? Он спросил об этом, но ответом стало молчание. Ему показывали, чем располагают, не балуя пояснениями, но и за это можно было сказать спасибо, что он и сделал.

А по ночам ему снились кошмары, и даже среди бела дня возникали видения, как тогда, возле мертвого древнего атомного убежища. Может, в пище присутствовали специальные галлюциногенные добавки – он не мог этого проверить. Сегодня ему снилось...

«...Их было восемь человек, и они управляли чудищем. Не все из них были на первых ролях, но все они ощущали себя сплоченной командой. И волновались они по-разному: в основном это определялось непосредственной занятостью в текущей работе. Например, у стрелка, сидящего в задней части гиганта и соединенного со всеми остальными только телефонным шнуром, была работа – осматривать небо. Сей труд невозможно не сочетать с отвлеченными мыслями, чем стрелок и занимался, покуда никто не мешал. Ему было так же скучно, как какому-нибудь часовому, выставленному на пост вблизи запечатанного склада войскового имущества, даже несмотря на постоянно сменяющийся облачный ландшафт и периодически мелькающие в зоне видимости самолеты прикрытия – красавчики „Супер-Сейбры“. Иногда они выныривали из облаков снизу, порой валились откуда-то с немыслимой высоты: их реактивный движок давал тягу более шести тысяч килограммов, потому их скорость более чем в полтора раза превосходила крейсерский ход охраняемого

объекта. Они шли за ними давно, иногда они менялись, поскольку у очередной группы приканчивался ресурс топлива. Зато их гигант двигался без отдыха. Шесть громадных толкающих винтов мерно ревели у задней кромки большущих крыльев. Слабый в маневре, он тем не менее превосходил в одном из боевых параметров любые самолеты своего времени, а поскольку его массовое применение в реальном деле влекло за собой прекращение истории, то, следуя логике, он должен был остаться непревзойденным шедевром атомной истерии. Назывался он „Конвоир“, и главным его достоинством считалась дальность полета в сочетании с гигантской грузоподъемностью. Сейчас он тащил в своих внутренностях то, ради чего создался, – „Мод-17“, всего одну штуку, но больше не поднял бы никто: ее вес превосходил двадцать тонн, но был мизерным в сравнении с мощностью, спрятанной в ее нутре. Весь экипаж был уверен, хотя знания его базировались на ограниченной информированности, что „Мод-17“ является самой могучей штуковиной из способных встряхнуть мир: если бы обычная химическая взрывчатка попыталась сравняться с „Мод-17“, ее устали бы возить – потребовалось бы четыреста тысяч больших железнодорожных вагонов, а может быть, и больше. Вот какую „колотушку“ тащили они с собой, и сегодня кто-то должен был испытать ее силу на себе. Самыми прелестными целями для таких утрамбованных вагонов тротила являлись города: только их раскинутые вширь постройки и близкие пригороды давали самый боль-

шой коэффициент полезного действия для этой вместительной авиабомбы, только здесь ее силища не тратилась впустую на удивление мертвой, несознательной материи. Вот к такому большому городу они и должны были вскоре подлететь.

Но враг не дремал, и вскоре вокруг «Конвоира» завязались воздушные дуэли. Местность предварительно хорошо подчистила тактическая авиация: она сумела почти задавить зенитные батареи, способные забросить снаряд на полтора десятка километров. Неплохо поработали и истребители: у города осталось мало летающих защитников, а один аэродром пришел в полную негодность, дым и копоть с его складов горячего застилали нижние ярусы неба.

«Супер-Сейбры» умчались вперед, не подпуская юркие перехватчики русского производства и, возможно, с русскими же пилотами-добровольцами внутри на опасную дистанцию. Теперь пулеметчикам «Конвоира» стало не до грез о будущих медалях и девушках: они пилились в прицелы и последний раз подглядывали в вызубренную баллистическую таблицу, однако пока целей на дистанциях их орудий не было – «Ф-100» прекрасно справлялись с порученной работой.

Все в бомбардировщике стали заняты по уши. Пилоты выжимали из пропеллеров максимум возможного, штурманы наводили последние штрихи на карту, оружейники проверяли свою драгоценную ношу, а еще штурманы считали сбитые самолеты: это происходило так далеко, что трудно было не ошибиться, определяя государственную принадлежность, но

при любом допущении там должны были попадаться и свои. Это пугало, сейчас не время было думать об обратном путешествии, но все-таки без сопровождения оно становилось очень проблематичным. Была надежда на «Мод-17»: кто знает, что последует за ее взрывом, вполне допустимо, что после вознесения пыли на восемьдесят километров всем станет не до их медлительного бомбовоза.

«МиГ-19» вывалился сверху, он, видимо, прошел над зоной, контролируемой «Сейбрами», имея большую высоту подъема. На «Конвоире» никто не дремал, и в его сторону сразу потянулись трассирующие линии, рожденные застоявшимися многоствольными пулеметами. Истребитель имел два мощнейших турбореактивных мотора, работающих на форсаже, – он уже не выглядел точкой-комариком в обращенном к небу стекле кабины: проскочив размеры мухи, обогнув смертельные пулевые потоки, он выплыл перед экипажем в натуральную величину и тут же провалился ниже, заставляя умолкнуть потерявшие его из виду верхние пулеметы. У тех, кто видел маневр, похолодело внутри: перед ними был ас, не оставалось сомнений, какой он национальности. И еще все знали о подвесных ракетах и о трех тридцатисемимиллиметровых артиллерийских пушках.

Командир летающего корабля нарушил режим радиомолчания и вызвал прикрытие: им стоило прекратить начатые на окраинах бои и спешно подтянуться к левиафану «Б-36». Если бы они успели...

А стремительный славянский ястреб уже заново наводил ужас, пикируя сверху. И снова он вырос, перемещаясь со скоростью пули, огибая смертельные лучи. Штурман был в некотором недоумении: на то, чтобы их обстрелять или выпустить противосамолетные ракеты, у противника вполне хватало времени – нужны были секунды, а он кружил возле них, казалось, вечно. «Конвоир» даже не пытался уклоняться, он был слишком неповоротлив в сравнении со стремительным вражеским малюткой, он продолжал запланированное дозвуковое движение, и у пилотов потели ладони. «Может, у него нет боезапаса?» – внезапно вслух предположил штурман, и у всех сразу отлегло внутри, словно в кресле дантиста, когда все уже кончилось.

«Готовить груз! – распорядился командир, хотя до цели полета было еще далеко. – Он все равно не даст нам сбросить, где надо, – оправдываясь и конкретно ни к кому не обращаясь, пояснил он. – Давай форсаж и увеличь высоту! – приказал он первому пилоту, зная, что все на максимуме. – Надо попробовать, так „малютка“ пролетит дальше по инерции». Он снова оправдывался, хотя никогда раньше не был разговорчивым человеком. И сразу, словно угадав их намерения и задавливаемую внутреннюю панику, пилот истребителя выпустил шасси. Они еще не поняли, потому что колеса резко снижали его боевые качества, а он уже шел на них сверху на встречном курсе. Короткий визг и ровный гул двигателей нарушился: лопасти крайнего правого винта, рас-

сыпаясь в клочки, разлетались в окружающем пространстве вместе с передним шасси «МиГа». Но он не загорелся и уже делал новый маневр.

«Будет таранить!» – снова вслух предположил штурман, самый догадливый из всех окружающих. А вражеский истребитель еще раз выскочил из зоны его видимости. «Наши возвращаются!» – передал по внутренней линии пулеметчик. Но им не стало легче, вновь из небытия вывалился круглый воздухозаборник истребителя. Они уже заглушили симметричный толкающий пропеллер противоположного от повреждения крыла и скомпенсировали снос, но скоростные показатели упали. А он уже шел навстречу, и надо было отворачивать. «Он ненормальный! – сделал ненужное пояснение штурман. – Самоубийца!» – «А разве мы нормальные?» – спросил командир, не поворачивая головы.

Вопрос завис в воздухе: люди очень медленно мыслят, а еще медленнее говорят. У них были очень плохие маневренные возможности – оседланный ими монстр планировался для других целей. И полыхнуло не успевшее использоваться топливо – все сразу. И громадный факел залил окрестности, а внутри его горели маленькие светлячки, млекопитающие животные, считающие себя разумными. Только «Мод-17» спокойно перенесла творящийся катаклизм, хотя оседлавшие ее запечатанные парашюты добавили в огненную лавину немного полимеров. Затем вся эта горящая рассыпающаяся свора рухнула книзу на эту плотно населенную китайскую

провинцию...»

Недокументированная запись. Виртуальное послесобытийное восстановление. Местное летосчисление: год 1954-й. Планета Земля, Солнечная система, галактика Млечный Путь, УПВ (Условно Параллельная Вселенная) № 15.

* * *

Но и в реальной жизни кошмаров хватало. Как-то Аргедас подозвал его к себе и сказал:

– Вот, посмотри на экран «пять». Видишь этих людишек?

Хадас увидел. Там по экрану перемещались пятеро грязных худощавых личностей. Видно было плохо, и, если бы не прыгающие в руках двоих из наблюдаемых фонари, наверное, лицезреть было бы нечего.

– Сейчас мы их услышим, – пояснил Аргедас с сияющим лицом.

«– Долго еще? – спросил кто-то с экрана.

– Что я тебе, статус Восемнадцать, чтобы все знать? Радуйся, что хоть сюда добрались. Скоро, наверное, будет дверь. По плану Лино это и есть та самая труба, и мы близко к краю.

– Господи, неужели скоро? – тяжело вздохнул некто в полумраке».

Стали слышны тяжелые, хлюпающие по воде шаги.

«– А откуда здесь вода?

– Над нами двести или больше метров океана, ты что, забыл? Я же тебе объяснял.

– Да помню я, Буба, но все не верится. Какой он – океан?

– Спроси у Мохандаса, он-то в нем плескался.

– Да я ведь наверху не был, только тогда – два года назад, когда числился в мусорщиках, – плавал несколько раз на глубине.

– Везет тебе, ты много видел в жизни. А вот я даже никогда не бывал в верхних ярусах, не пришлось, да уже и не придется».

Фигуры людей на экране наплыли, прошествовали мимо, видимые сбоку, и стали удаляться, демонстрируя спины, нагруженные поклажей.

– Знаете, кто это? – спросил Аргедас, ухмыляясь, – он был счастлив.

Хадас пожал плечами: ему было все равно.

– Это преступники, статус Ноль, преступники против порядков и законов этой маленькой, но великой страны. Это дезертиры, они бросили свой народ в его тяжелую минуту. Знаете, куда они направляются?

Хадас промолчал, но теперь он впился взглядом в сгорбленные темные спины. Изображение сменилось: люди снова были видны спереди и с большого расстояния. На некоторое время пропал звук, но вскоре снова восстановился.

– Они хотят сбежать от меня, – пояснил диктатор. – В текущий момент они в главной отводящей мусорной трубе.

Время выбрали удачное, скоро должен пойти большой поезд с отходами, вот в этот момент они и хотят проскочить в промежуточный шлюз, а может, у них даже есть ключ. Сейчас мы это проверим.

Аргедас поднял трубку и потребовал кого-то к телефону. Ждать долго не пришлось, и, когда позвали нужного человека, диктатор отдал необходимое распоряжение.

– Статус Пять, приказываю задержать поезд с породой.

А с экрана продолжал литься диалог. Видимо, наблюдение велось скрытыми светочувствительными камерами, поскольку люди пялились вокруг распахнутыми во всю ширь глазами, а когда один из них смотрел на часы, он подсвечивал себе фонарем.

«– Что-то мусоровоз задерживается.

– Может, нас засекли? – хрипло предположил кто-то.

– Типун тебе на язык. Если бы засекли, *довики* уже бы давно волокли нас за ноги в разделочную.

– Так чего же нет поезда?

– Черт с ним, доставай ключ, пойдем через малую дверь. Давайте шевелиться. В океане расслабимся».

Самму Аргедас впился в экран, подобно энергетическому вампиру.

– Ну, что я говорил? Ключик у них правда есть. Позовите-ка сюда Гуттузо.

Вызванный вскоре появился.

– Может, все-таки пошлем *наги* их арестовать, статус Во-

семнадцать? – спросил он подобострастно.

– Нет, давай полюбуемся до конца. Смотри, у них даже снаряжение последней модели.

Люди на экране прошли уже очень много, теперь они остановились и стали облачаться в скафандры.

– Я не пойму, – решился спросить Хадас Кьюм, – эта труба, в которой они находятся, она что, ведет в океан?

– Растолкуй ему, статус Пятнадцать, – приказал Аргедас. Гуттузо сразу начал давать пояснения:

– Это гигантское сооружение, мы долго мучились, изобретая его. Оно поддерживается на определенной глубине специальными гигантскими воздушными кингстонами. Труба уходит от берега более чем на двадцать километров.

– И что, вся она висит? – удивился Кьюм.

– Нет, только последние километры. Это все идея великого статуса Восемнадцать. Если бы не труба, мы бы выдали свое присутствие противнику, сваливая перекопанный грунт наверх, а в случае выбросов в океан у берега давно бы изменили его очертания, что снова ведет к рассекречиванию. А так сброс производится прямо в котловину Маркаколь. Ее глубина четыре тысячи триста метров, по крайней мере, была до начала нашей деятельности. Я думаю, мы ее немного присыпали.

– Послушайте, – внезапно встрепенулся Хадас, – а как же декомпрессия? Вы говорили, труба на глубине нескольких сот метров? Или у этих людей жидко-легочные дыхательные

аппараты?

– Нет, статус Ноль, я о таких и не слышал, расскажете мне на досуге. У них простые газовые акваланги.

– Но ведь их раздавит внешнее давление, или нет? – растерянно спросил Хадас.

– Какая вам разница, пилот? – поморщился диктатор. – Ясное дело, раздавит. О декомпрессии они, видимо, слыхом не слыхали – в наших школах не проходят ненужные в повседневной жизни предметы.

– И вы их не остановите?

– Меня, право, развлекает ваша чувствительность. И это говорит атомный ас? На месте вашего командования я бы не доверил вам штурвал. Мы им даже поможем, надо ведь подкормить *мантихоров*.

– А что это, статус Восемнадцать? – поинтересовался Кьюм.

– Это такой местный хищник, какой-то мутант-переродок. Немудрено, что он появился: мы ведь набросали в котловину кучу радиоактивной дряни, да и вы наверху зря не сидели, постарались в этом направлении. Так что все мы в какой-то мере селекционеры по призванию. Ладно, пора действовать, а то эти ребята успеют полностью облачиться, и моим выкорышам придется портить зубки об их скафандры. Статус Пять! – заорал он в трубку. – Дайте полную продувку в сбросовую трубу! Сейчас, срочно, я сказал. К разгрузке поезда успеете накопить.

– Смотрите внимательно, – повернулся Аргедас к Хада-су, – где вы еще такое увидите.

На экране люди помогали друг другу надевать амуницию и продолжали болтать.

«Ну же, – кусал губу Кьюм, – черт вас подери, одевайтесь быстрее, не успеете ведь». Они не слышали его призывов, не чувствовали накатывающегося кошмара.

– Поверьте, братцы, – говорил кто-то из них, растягивая слова. – Мне главное – увидеть солнце, один старик мне говорил, что он бы все отдал за это зрелище.

– Увидишь, увидишь скоро, – поддакивали ему.

– А знаете, парни, когда я раньше работал на мусоросборнике, нас перед выходом в воду черт знает сколько часов томили в специальной камере, как-то она по-чудному называлась, и так же поступали на обратном пути. Короче, издевались старшие статусы над нами, как хотели.

– Ничего, брательник, теперь им до тебя вовек не добраться. Всплывем мы наверх, а там к бережку как-нибудь доберемся, правда?

В этот момент раздался оглушающий рев – и голоса смолкли. Они успели оглянуться на звук, а когда невидимая упругая стена воткнулась в них – они просто исчезли, так быстро их сдуло. Аргедас включил перемотку и прокрутил изображение на самой малой скорости, но и тут зрители не увидели ничего нового: просто стояли люди, открыв рот от удивления и испуга, а потом снова исчезли.

– Жалко, в море у меня нет наблюдателей, – разочарованно констатировал Самму Аргедас и отключил экран.

* * *

«...Покуда земляне чухались с развязыванием солидной эскалации, жители Гаруды подналегли на развитие средств обороны. Лазерные наземные стационары бывшей колонии довольно надежно прикрыли основные города и военные объекты от посягательств агрессоров. Поскольку земляне не могли позволить себе бешеные потери при прорывах этих крепостей, кем-то из великих стратегов было предложено оригинальное решение. Так как когерентные излучатели и противоракеты действовали особо хорошо в пределах горизонтальной видимости, земные бомбардировщики подходили к целям на сверхмалых высотах и сбрасывали бомбы, находясь вне зоны действия обороняющихся. Ясное дело, боеголовки, которые могли уничтожить охраняемые объекты, взрываясь вне зоны их охранения, должны были быть очень приличными по мощности, просто до неприличия приличными. Ведь радиус поражения атомного оружия растет согласно кубу мощности, вот и считайте. Вообще-то тут не пришлось выдумывать ничего особо нового, ведь сама идея водородной бомбы подразумевала неограниченное могущество. Здесь эта мечта покойного Тейлора реализовалась сполна.

Над Гарудой вырастали грибы-великаны, прекрасно наблюдаемые даже с далеких орбит. С таких расстояний зло, аналогично рассматриванию с большой исторической перспективы, теряло свою суть и становилось просто отстерилизованной красотой ярких вспышек и художественно выполненного рождения темных многоцветных облаков...»

Вольное толкование исторических документов. Том 8.

* * *

Они часто беседовали, хотя это слово мало подходило к данному случаю. Самму Аргедасу просто нужны были чуткие, способные понять и воспринять его эскапады уши, а у Хадаса Кьюма они имелись. Иногда, осмелев, пилот тоже умудрялся вставить слово-другое: это было полезно не только для знакомства с кругозором диктатора, но и просто для развития навыка в языке.

– Я не пойму сущность вашей цивилизации, статус Восемнадцать, мне все время кажется, что в ее целях есть какая-то тайна.

– Мы не являемся цивилизацией по сути, статус Ноль, так что в исходном тезисе вы не правы. Я бы очень хотел, чтобы мой народ стал родоначальником цивилизации нового вида, однако эти благие мечты не имеют под собой реалистических корней. Нас так зажали наружные обстоятельства, так истожила борьба, что произвести на свет что-то путное

мы не в силах. В чем сущность любой стандартной цивилизации? Я скажу вкратце: в постоянной борьбе с внешними силами, стремящимися цивилизацию уничтожить; в порождении следующего поколения организмов, являющихся индивидуальными носителями ценностей этой самой цивилизации, дабы продолжение было не хуже источника, а желательно даже качественней. Мы в этом случае бесплодны. Мы являемся представителями нового семейства цивилизаций – цивилизаций – однодневок. Мы исчезнем со сцены, осуществив свою цель, а цель эта донельзя близка. Потом, возможно, в муках и агонии, вызванных прозрением большинства по поводу грядущего апокалипсиса, мы сойдем на нет. Может, это случится мгновенно, под действием внешних факторов, кто может знать?

– А в чем же цель? – наивно спросил Хадас.

Диктатор надменно глянул на него сверху, он сидел выше, в кресле, напоминающем трон:

– Со временем, дорогуша, все со временем. Насколько я знаю: любопытство является одним из ваших жизненно важных рычагов – вот и держите его в напряжении, ведь это одна из ниточек, которая вас ведет. Ну а сейчас довольно, приятно было поболтать, но слишком много у нас обязанностей, да и вам не мешает немного поработать, Хадас Кьюм. Вы уже начали забывать, для чего вас еще не пустили на скотобойню. Вы ведь среди нас единственный на что про что годный мужчина, вам ведь все завидуют, правда? Давненько вы не

посещали Демографический департамент, как мне помнится. – Самму Аргедас отвратительно засмеялся.

О, как сильно ненавидел его Хадас в этот момент, но что он мог поделать...

* * *

«...Когда образуется звезда, газопылевая туманность медленно сжимается, и сжатие ее идет вначале без особых преград, чем дальше – тем быстрее, под действием законов физики, но на одном из этапов давление достигает некой критической границы, когда его рост приводит к увеличению температуры внутри, а та, в свою очередь, вызывает к жизни волшебные условия, годные для синтеза новых элементов, и тогда процесс схлопывания останавливается, хотя натиск не ослабевает. В жизни живого, тем более разумного, это происходит намного быстрее, чем в мертвом материальном мире.

И противодействие возникло. Вначале неприметно, как образование плесени, а потом все более и более явно проявляя себя. Поскольку на людей сверху давила пропаганда и жестокость, то и противодействие вначале стихийно выливалось в акции жестокости: власть действовала открыто, а оппозиция тайно. В муравейнике наклонности и предназначение особи задаются воспитанием, основанным на химических добавках к пище, а у человека, несмотря на некоторую

разницу в питании высших и низших статусов, этот трюк не прошел.

Порой пропадали представители класса надсмотрщиков – старшие статусы. Иногда их кости находили в древних заброшенных выработках, чаще они просто исчезали, город так вырос, что держать его под контролем весь и сразу становилось невозможным, несмотря на технические ухищрения: чем больше их становилось, тем больше техников и специалистов они требовали для своего поддержания в норме, а с ростом людей знающих – увеличивалась утечка информации. Возможно, как и годы до этого, этот катаклизм можно было бы держать в рамках, но в самой правящей коалиции нарастала альтернатива неясному курсу диктатора. Образовывались коалиции, и многим из них стихийно зарождающееся поползновение вниз было на руку: очень хотелось использовать эту силу в собственных интересах. Так, подкармливаясь и взращиваясь на пороках правящего чиновничьего клана, в Джунгарии выросла оппозиция. После перехода некоего рубежа эта сила приобрела качества несгораемого Феникса. Когда находящиеся сверху, в прямом и переносном смысле (поскольку правительственные апартаменты находились на этажах, ближе расположенных к соединению материковой плиты с атмосферой), врубилась в ситуацию, стало несколько поздно. Оппозиция называла себя «Матома», что в переводе означало – «тайное общество». В условиях, когда полностью истребить его стало нельзя, существование

движения продолжали скрывать и распространение басен о таинственной организации очень жестоко каралось. Но ведь зверство давно дошло до логического предела стабильного существования с элементами развития, и эффект на выходе был нулевой...»

Вольное толкование исторических документов. Моменты, вошедшие бы в него, если бы были известны.

* * *

Дверь в соседнюю комнату была прикрыта неплотно, и Хадас почти не дышал, вслушиваясь в отрывки разговора, доносящиеся оттуда. Нутром он чувствовал, что это важно.

– Извините, статус Восемнадцать, не подумайте, что я хочу в чем-то опровергнуть ваше решение, но объясните мне, почему нам нельзя взяться за этот материал по-настоящему. Ведь наша великая операция «Шантаж» только выиграет, если мы будем знать точные координаты их базы?

– Вы в этом уверены, статус Пятнадцать? – тихо поинтересовался Самму Аргедас.

– Ну объясните мне свою позицию, статус Восемнадцать. Я человек прямой и правда не понимаю этой большой стратегии. – Голос неизвестного, невидимого собеседника диктатора сочетал в себе сразу две противоположные интонации: заискивания и наглости.

– А скажи мне, милый Гуттузо, жив ли еще наш любезный

Счетчик – Да-джао? – поинтересовался Аргедас в своей любимой манере игры под дурака.

Ответили ему в отрицательном смысле, с долгими быстрыми пояснениями. Хадас их почти не улавливал, все-таки он только начал осваивать местный диалект.

– Так вот, дорогой статус Пятнадцать, – Аргедас сделал эффектную паузу. – Допустим, мы узнаем у этого парня координаты базы на Мааре, ну и что?

– Удар будет точный, Главный Назначенный.

– Послушай, Гуттузо, а с чего ты это взял? У нас всего один пленный, других не предвидится, как мы сможем проверить данные, которые он выдаст? Если он соврет? И даже если скажет правду – где гарантия? И самое интересное, повторюсь: с нами нет великого Счетчика, вот уже пять лет, так ведь вы сказали? Вы умеете менять и рассчитывать параметры орбит или просто баллистических траекторий?

– Но ведь остались ученики Счетчика.

– Извини, Гуттузо, я даже удивляюсь, как ты до сих пор командуешь ДОВИ? Наш славный компьютерщик был великим ученым, но плохим учителем, или он располагал изначально скверным человеческим материалом. Его ученики по сравнению с ним – это отбросы. Я им не доверяю. Поэтому, дорогой статус Пятнадцать, нам абсолютно не нужны точные координаты. У нас больше нет надежного наводчика.

Разговор был явно важным, но о чем шла речь, Хадас до конца не понял, однако то, что касалось его самого, – радо-

Но они снова беседовали. Был в этом какой-то налет древнейшего шаманства. Ведь как приручали первых животных? Их подкармливали и не били поначалу, дабы не отпугнуть. А сколько раз доказывалось, что между тюремщиком и арестованным со временем устанавливается подобие дружбы, даже у смертников, ждущих приговора. Иногда кажется, будто человеческая психика чрезмерно пластична, вот что значит развивать разум десятки, а чувства сотни тысяч лет. И Хадас, как и прежде, молча внимал.

– Современная цивилизация настолько сложна и непрочна, в том плане, что создает сама себе проблем более, чем разрешает, дорогой мой статус Ноль, что в некоторых нациях ее существование воспринимается как тягчайшая обуза, они не хотят нести дальше этот груз. Вы предлагаете идти у этих безвольных, видящих не далее своего носа на поводу? Никакая демократия не способна решить действительно серьезные проблемы – вы это прекрасно знаете. Все разговоры о том, что только в отдельных случаях демократические институты должны уступать рычаги власти диктатору, допустим при ведении войны, бред собачий. Для того чтобы посадить правителя в высочайшее кресло, нужны механизмы, то есть зачатки этой самой тирании, а где им взяться в идеаль-

ной демократии, где силовые структуры связаны? Демократия способна руководить, или, точнее, двигаться по течению, только в условиях идеальных, когда народ воспитан долгими поколениями тиранов, выведен ими из звериного состояния, насильно выведен, учтите. Ведь какой червь по собственной воле захочет становиться человеком? Ведь животные более счастливы, чем люди, это известно, их счастье более достижимо. Знания – это путь к несчастьям, мудрый всегда грустен. Наши общие предки, наивные люди, думали, что порабощение природных сил волей человека, охват наукой контроля над жизнью являются целями прогресса, и, когда такое будет достигнуто, оно приведет нас к порядку, в котором не будет места для боли, а наслаждение станет главным принципом существования. Получается, дорога прогресса ведет обратно в животный мир, только несколько видоизмененный, где убираются все негативные факторы? Вы знаете, куда будут годны такие составляющие человечества? По моим понятиям, только на мусорку. Вы когда-нибудь изучали историю, помимо мути, которую преподают в школе? Ясное дело, вы до этого не додумались, статус Ноль. Так вот, отборные рыцарские части – люди, воспитанные по законам высшей морали и всю жизнь готовящиеся к войне, – пасовали перед вооруженными крестьянами: их нервная система была слишком изнеженна, несмотря на годы и годы тренировок. Может, они чересчур сильно любили себя или свыше меры думали во время боя? А в войне, когда доходило до дела,

нужно было становиться лишь частью целого и забывать себя. Идеальные воины есть только у муравьев – их солдаты никогда не отступят и не сдадут позиции. Все людские подвиги – это только подражание им. Поэтому когда кто-то использует человека для великих целей, это явно во благо ему, иначе его жизнь в миллионе случаев против одного пройдет впустую, как у коровы, жующей траву, но которую не доят. Ты знаешь, для чего ты мне нужен, пилот?

Хадас смолчал, он постыдился так с ходу ответить на этот вопрос. Однако диктатор понял его ответ без слов. Он изобразил гримасу, видимо значащую в его понимании ободряющую улыбку.

– Наивный человек! Все не так, не так, как ты думаешь. Ты мне нужен для маскировки. Врубаешься? Ты прикрытие, ты прикрытие, как и все остальные планы фикции. И ты первый и последний, кто узнает правду. Чувствуешь, какая честь тебе оказана? Но ведь ты, вернее, твоё тело честно послужило цели, или я не прав?

«Еще бы не прав», – покраснел невольно Хадас.

– Все, кто меня окружают, милый статус Ноль, не должны знать правды. Слишком сильно они цепляются за это жалкое подобие жизни, слишком сильно. Я всех их приговорил, всех, включая себя. – Самму Аргедас посмотрел на Кьюма горящими, словно лазеры наведения, глазами. – Им не повезло, им совсем не повезло родиться в такое время. Но мы все смертны, так либо иначе все обречены. С достаточного

расстояния ценны только жизни, отданные чему-то большому. Я ускорил смерть, но обрек их на бессмертие.

Лазеры-глаза отодвинулись в сторону и отрешенно прощупали стены просторной комнаты. Видели ли они что-то? Хадас очень сомневался в этом. Он молчал, молчал, предчувствуя открытие великой тайны.

— Хотя и это тоже вранье. Все, все вранье. Не будет бессмертия, весь этот мир обречен, а в другом ничего не узнают о подвиге этого маленького обманутого подземного народа. Когда осуществится План, многие поймут, что произошло. Им останется только восхищаться тем, что случилось, и ждать возмездия. Вряд ли от него можно будет спрятаться: слишком силен наш противник. Знаешь, пилот, о чем я более всего жалею? Я жалею о том, что не увижу результата своего труда.

Как было понимать эти слова?

* * *

Жители верхнего, существовавшего когда-то на Гаруде и еще имеющего на Земле место, наземного мира слабо представляют себе либо вообще не имеют понятия о наличии под ними, не везде, но во многих местах суши, неизведанных глубин, полостей в твердых оболочках планет, проточенных водой или вовсе неизведанными силами за сотни тысяч, а возможно, миллионы лет. На поверхности менялся климат,

свиристывали ураганы, странствовали с места на место материки, моря отступали и наступали, а пещеры от этого всего только ширились. Они заливались соленой океанской водой, и тогда в них селились акулы или вовсе неизведанные вымершие животные, а когда через десятки тысяч лет в результате поднятия дна вода покидала их, в них могли обитать наземные животные, найдя в них безветрие и сухость. Но и те и другие селились у самого края, не занырявая и не забираясь глубоко. А переплетения природных лабиринтов, добавляя славы в бездумные топонимические выкрутасы природы, тянулись вглубь, сплетаясь и расплетаясь, ширясь и суживаясь, порой на километры внутрь и на сотни вширь.

И Хадас попал в этот мир, не имея о нем никакого представления. У него была примитивная карта, если разобраться, сомнительной достоверности; совсем слабая, но, на его дилетантский взгляд, достаточная экипировка; гравиметр, которым он едва научился пользоваться, и еще навалом всякой технической утвари, возможность прямого использования которой внушала скепсис.

Однако вначале все прошло очень лихо. Всего с двух ударов он послал в нокаут вечно сопровождающего его Хайка, носящего ранг статуса Девять, затем последовательно ввел в заблуждение трех охранников, с неповоротливыми, закоренелыми мозгами, демонстрируя им гербовую бумагу Аргедаса, и только с четвертым стражем пришлось сразиться и выйти победителем, ну никак тот не желал отпирать тяже-

люю стальную дверь. А потом было бегство, не разбирая дороги. И единственным звуком, который Хадас слышал очень долгое время, было свое собственное учащенное дыхание. Ну, а вслед за тем началось сужение пещеры, и бежать стало невозможным, и надо было идти на четвереньках, уподобляясь пони, да еще тащить позади свою многочисленную поклажу. Но все это время бояться окружающей тесноты ему было некогда, еще свежели воспоминания о контрразведывательном отделе, и иголки под ногтями производили большее впечатление, чем сталактиты. Он сбил колени и несколько раз буквально падал от усталости, дважды он протискивался в совсем узкий проход, занырявал в боковые окна ответвления, но успокоился, только когда подумал, что ушел от выхода из города достаточно далеко. Тогда он некоторое время полежал, наслаждаясь покоем и угасающим стуком в висках.

Позднее он разложил перед собой карту и попытался сориентироваться. Черта лысого ему это удалось.

* * *

«...Вначале создание собственного ядерного потенциала было одной из главных, но не самой приоритетной задачей. Все изменилось, когда, углубившись до километра, они нашли урановые руды. Эти, расположенные близко к вулканической гряде, районы и раньше были известны как самые перспективные на планете, однако в данном случае концен-

трация нужного изотопа урана по отношению к основной массе была неожиданно велика. Самму Аргедас провел совещание с физиками, причем в отличие от обычных заседаний, на которых он не слишком давал развернуться чужим мнениям, в этот раз он выслушал все стороны. Общий вывод, который был сделан, сводился к тому, что наличие такой природной аномалии ведет к упрощению любого из известных сложных процессов отсеивания урана-235 от общей массы, будь то электромагнитное разделение либо что другое. Вернувшись с симпозиума, подземный император тут же отдал распоряжения и выделил необходимую рабочую силу для решения параллельно нескольких производственных задач. Началась расчистка места, а затем и строительство большого газодиффузионного завода и еще трех автоматизированных заводов, основанных на других методах разделения изотопов: электромагнитном, центрифугированном и термодиффузионном. Одновременно облаченные в несколько переделанные космические скафандры люди, оседлав горнодобывающую гусеничную технику, начали добычу руды. Большой сложностью, как и прежде, оставалась отгрузка встречной породы. Однако и тут подземное государство не нарушило главного принципа своего существования – маскировки: весь сор, почти с самого начала, сбрасывали по гигантским трубам в океаническую впадину Маркаколь, начинающуюся всего в двадцати километрах от берега. Если бы не наличие этого природного мусоросборника, уже через

несколько лет разрастания государства им бы было необходимо начать производство гигантских подводных барж для отвоза высверленного скального грунта куда-нибудь подальше. Это повлекло бы за собой новые трудности в виде еще большего разрастания инфраструктуры. Создание еще одного вида производства – дело нешуточное. Из-за специфических условий даже наличие сложной технологии не позволяло „землекопам“ так расширять веер достижимых в перспективе целей.

К моменту получения первого килограмма пушечного урана подземному царству-государству грозило столько деструктивных факторов, что только наличие единоначалия и закрытость информации помогали их сдерживать. Главным фактором были люди, существа, сформировавшиеся на другой планете от обезьян, а не от кротов. Самму Аргедас усилил репрессивный аппарат, зажимая подданных в еще более узкие рамки. Через считанные земные годы, но всего через оборот Гаруды вокруг Индры жизнь местного населения по своему духовному насыщению мало отличалась от бытия муравьев. А вредные процессы продолжали наваливаться. Выяснилось, что поставленная вначале в тесные пределы демографическая проблема, в смысле ограничения рождаемости, теперь, в условиях, когда в этой проблеме нужно было опираться только на собственные ресурсы, не дает восполнения населения. Раньше имелся неистощающийся поток беженцев сверху: теперь же, после «закупорки», он полностью ис-

сяк. А смертность росла, как детская, так и взрослая. Этому в немалой степени способствовало радиоактивное загрязнение, несмотря на препоны, проникающее сверху и растущее еще более за счет увеличения масштабов работ, связанных с бомбой. Кроме того, в условиях увеличения фронта деятельности и продолжительности рабочего времени почти до всего наличного умножалось количество несчастных случаев: они вели к инвалидностям и смертям от недостаточно приоритетного отношения к медицине. Самму Аргедас создал службу ликвидации инвалидов как тайный подотдел главенствующего Департамента Общего Министерства по Срочным Вопросам (ОМСВ), занимающегося в основном аналогичными делами. Новый подотдел носил милое название «Служба Конфирмации». В первую неделю своего существования он добавил в общие резервные запасы мяса города-державы Джунгария пятьдесят тонн свежатины. Кости пошли на муку в качестве пищевой добавки. Мозги широких масс не узнали об этом, но их желудки почувствовали.

Однако увеличение числа мешающих факторов окончательно убедило диктатора в нежизнеспособности собственного детища-государства. Он навсегда уразумел, что единственной целью его существования может оставаться только возмездие. Оно оправдывало любые средства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.